Проф. А. Покровскій.

БРАНДЪ.

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКІЙ СМЫСЛЪ ДРАМЫ.

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1907.

Проф. А. Покровскій.

БРАНДЪ.

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКІЙ СМЫСЛЪ ДРАМЫ.

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1907.

Пров. 1955

Пр.

РТ
7.00

Оттискъ изъ №№ 4 и 5 журнала Христіанинъ за 1907 г.

43135

Печатать дозволяется. Виѳанія. Мая 15 дня 1907 года. Цензоръ, Ректоръ Виѳанской Духовной Семинаріи, Протоіерей *А. Бѣляевъ*.

Религіозно-философскій смыслъ драмы Ибсена „Брандъ".

Мы переживаемъ довольно бурное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень интересное время, получившее даже особое техническое названіе, „освободительнаго движенія". Можно, конечно, различно оцѣнивать—въ зависимости отъ различія политическихъ взглядовъ—значеніе переживаемаго нами момента, можно, поэтому, сочувствовать или не сочувствовать его ближайшимъ, практическимъ результатамъ; но нельзя имѣть двухъ мнѣній относительно глубокаго, идейнаго смысла всего этого движенія, нельзя не привѣтствовать его громкихъ призывовъ къ пробужденію отъ нашей лѣнивой апатіи и духовной спячки, нельзя не одобрить его самоотверженной борьбы противъ неправды и лжи нашей жизни, нельзя горячо не сочувствовать его благороднымъ попыткамъ къ широкому переустройству нашей жизни на новыхъ, болѣе справедливыхъ и разумныхъ началахъ.

Въ нашемъ современномъ общественномъ, какъ и во всякомъ стихійномъ, движеніи дѣйствуетъ своя теорія приливовъ и отливовъ, существуютъ и свои основыя теченія и господствующія настроенія. Послѣднихъ въ немъ можно прослѣдить и указать два главныхъ. Первый—это періодъ почти исключительнаго господства вопросовъ матеріальной культуры—политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ. Казалось, все наше мыслящее общество было занято и поглощено лишь одними этими интересами. Достаточно

припомнить нашъ прошлогодній книжный рынокъ, съ его массой самой разнообразной, преимущественно, мелкой и дешевой литературы общественно-политическаго и соціально экономическаго характера, чтобы окончательно убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ.

Но вотъ, съ конца прошлаго и въ особенности съ начала нынѣшняго года, на томъ же самомъ книжномъ рынкѣ, на прилавкахъ и въ витринахъ магазиновъ, запестрѣли новыя книги и брошюры—церковно-публицистическаго и религіозно-философскаго содержанія, самыхъ различныхъ направленій и оттѣнковъ, начиная отъ переводныхъ, рѣзко-отрицательныхъ и кончая „истинно-русскими“, охранительными изданіями. Книжный рынокъ, какъ чувствительный барометръ, отмѣтилъ, такимъ образомъ, если не полный переломъ, то, во всякомъ случаѣ, очень рѣшительный поворотъ нашего общественнаго движенія въ сторону другихъ болѣе глубокихъ и высокихъ, чисто духовныхъ запросовъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что мы вступаемъ въ новую полосу жизни, въ сферу идейныхъ порывовъ и религіозно-нравственныхъ исканій. Односторонняя правда грубыхъ, матеріальныхъ интересовъ, очевидно, не смогла захватить собою всего существа человѣка; и вотъ онъ, почувствовавъ духовный голодъ, затосковалъ по идеалу, захотѣлъ другой, высшей правды, открывающейся въ разработкѣ вопросовъ духовно-религіозной культуры.

Пробудившееся теченіе успѣло уже сказаться довольно широко и властно. Оживились наши старые духовные журналы, народились новыя церковно-публицистическія изданія съ болѣе широкой и свободной программой, открылись для трактовки религіозно-общественныхъ темъ, прежде заповѣдныя для нихъ, страницы свѣтской, періодической печати, стали устраиваться, даже въ чисто свѣтскихъ аудиторіяхъ, („Художественный кружокъ“) публичныя лекціи и рефераты на подобныя-же темы. Въ самое послѣднее время, въ Москвѣ возникъ, и не безъ успѣха дѣйствуетъ, даже цѣлый, народно-богословскій факультетъ, устро-

енный при религіозно-философскомъ обществѣ въ память В. С. Соловьева. Все это—очень характерныя знаменія времени. Но самымъ выразительнымъ и краснорѣчивымъ фактомъ этого рода мы считаемъ необыкновенный, выдающій успѣхъ „Бранда"—одной изъ послѣднихъ, крупныхъ новинокъ текущаго театральнаго сезона, поставленныхъ на сценѣ извѣстнаго Художественнаго театра.

Не смотря на то, что прошло уже почти сорокъ два года съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый норвежскій писатель—Генрихъ Ибсенъ создалъ своего Бранда (1865 г.), эта драма только теперь, попавши на сцену Художественнаго театра, сдѣлалась у насъ общеизвѣстной, и сразу-же стала самой модной и популярной новинкой, тѣмъ самымъ, что обыкновенно называется „гвоздемъ сезона".

Художественный театръ, вообще, пользуется у насъ прочно установившейся и вполнѣ заслуженной репутаціей передоваго, идейнаго театра. Онъ не разъ уже угощалъ московскую публику, (а во время его артистическихъ турнэ, разумѣется, и всякую другую), выдающимися новиками изъ русской и иностранной литературы, имѣвшими шумный успѣхъ.

Но не будетъ преувеличеніемъ сказать, что успѣхъ „Бранда" превзошелъ въ этомъ отношеніи все, бывшее раньше его. Не смотря на то, что вотъ уже цѣлыхъ полгода „Брандъ" почти регулярно идетъ черезъ день, онъ постоянно еще за недѣлю афишируется уже съ анонсомъ, что „билеты распроданы всѣ", такъ что „попасть на Бранда"—вещь далеко нелегкая. И тѣмъ не менѣе „побывать на Брандѣ" стало, своего рода, культурной потребностью для каждаго интеллигентнаго москвича, которую онъ и старается удовлетворить, не смотря на всѣ препятствія и жертвы.

О Брандѣ постоянно говорятъ въ обществѣ, о немъ читаются лекціи, произносятся рефераты, пишутся очерки и статьи. Словомъ, все свидѣтельствуетъ о томъ, что „Брандъ" глубоко и сильно захватилъ наше мыслящее общество, не смотря даже на неблагопріят-

ныя для того особенности переживаемаго нами политическаго момента.

Гдѣ-же причина такой широкой популярности „Бранда“? Въ чемъ тайна его успѣха и сила его вліянія на умы? Попытку отвѣтить на этотъ вопросъ и представляетъ собой нашъ настоящій очеркъ.

I.

Какъ всякое идейное, глубоко содержательное произведеніе, „Брандъ“ очень многограненъ и допускаетъ возможность его пониманія и оцѣнки съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Каждый подходитъ къ нему съ своей собственной мѣркой, ищетъ и находитъ въ немъ отвѣты на интересующіе его вопросы, подчеркиваетъ и выдвигаетъ, именно ихъ на первый планъ и соотвѣтственно съ этимъ, освѣщаетъ все содержаніе пьесы.

Вотъ, почему въ различныхъ рефератахъ и статьяхъ намъ приходилось встрѣчаться съ самымъ разнообразнымъ, но въ общемъ одинаково субъективнымъ, истолкованіемъ и оцѣнкой „Бранда“. Одни видятъ въ немъ мрачнаго, суроваго ригориста, съ психологіей фанатика-изувѣра и съ дѣйствіями духовнаго инквизитора, другіе—вдохновеннаго пророка-демагога, третьи—гордаго, аристократическаго индивидуалиста, четвертые—революціонера мысли и духа, пятые—соціальнаго реформатора, шестые—полнаго анархиста и т. д. и т. д. Очевидно, каждый смотритъ на Бранда сквозь очки собственнаго міровоззрѣнія и въ зависимости отъ этого, допускаетъ, въ большей или меньшей степени, свой субъективный произволъ и искаженіе дѣйствительнаго, подлиннаго Бранда.

Желая избѣжать подобнаго-же соблазна, мы, при своей характеристикѣ этой драмы, намѣрены пойдти нѣсколько инымъ путемъ: именно, вмѣсто того, чтобы предлагать прямо свои разсужденія и взгляды *по поводу* Бранда, мы начнемъ съ изложенія *самого Бранда,* т. е. сначала — изложимъ внѣшнюю сторону сюжета, а затѣмъ перейдемъ къ внутреннему анализу его міровоззрѣнія и уже въ заключеніе всего, подве-

демъ нѣкоторую общую оцѣнку; причемъ постараемся все это вести какъ можно ближе къ тексту, постоянно обращаясь къ нему и иллюстрируя имъ.

Предполагая, что далеко не всѣ читали или видѣли Бранда, считаемъ не лишнимъ дать предварительный общій очеркъ самаго содержанія этой пьесы. Самъ Брандъ, главный герой этой драмы, сначала выступаетъ предъ нами въ роли молодаго, но не по лѣтамъ серьезнаго, безмѣстнаго священника, охваченнаго высокимъ порывомъ особаго призванія—повѣдать міру новое слово:

Я—посланный; ослушаться не смѣю
Пославшаго меня—

впервые рекомендуется самъ Брандъ встрѣчнымъ крестьянамъ.

Принялъ на себя я болѣе высокое служенье.
Мнѣ нужно, чтобъ кругомъ кипѣла жизнь.

Чтобъ цѣлый міръ внималъ мнѣ слухомъ чуткимъ—говоритъ Брандъ посланцамъ одного прихода, пришедшимъ звать его къ себѣ въ священники, мотивируя этимъ свой отказъ принять ихъ предложеніе.

Сущность самаго своего призванія Брандъ полагалъ въ борьбѣ съ людскимъ *легкомысліемъ*, *тупомысліемъ и безсмысліемъ*—этимъ тройственнымъ союзомъ, засосавшимъ живую личность человѣка, уничтожившимъ ея богоподобную природу и низведшимъ ее на степень тупого, животнаго, полубезсознательнаго прозябанія.

Кто въ злѣйшей тьмѣ блуждаетъ, кто забрелъ
отъ вѣрной пристани, отъ свѣта дальше:
то-иль *легкомысліе*, что надъ обрывомъ
на шагъ отъ бездны прыгало, смѣялось?
Иль *тупомысліе*, что, знай себѣ
бредетъ тропой избитой?
Иль наконецъ *безсмысліе*, чей взоръ
прекрасное на мѣстѣ злаго видитъ?
Борьба съ союзомъ тройственнымъ ихъ—цѣль
моя отнынѣ. Вотъ мое призванье!—

опредѣляемое со стороны отрицательной. Съ положительной же стороны, онъ видитъ его въ томъ, чтобъ

Новыхъ людей, совершенныхъ
Цѣльныхъ и чистыхъ... создать;
Эти—не Божье подобье,
а воплощенье живое грѣха!

Окрыленный этимъ призваньемъ, Брандъ былъ полонъ отваги и силъ.

Онъ—молодецъ. Силенъ, отваженъ, стоекъ!

какъ характеризуетъ его одинъ изъ простодушныхъ поселянъ. Онъ не могъ мириться съ скромной долей сельскаго священника и горячо рвался на бой.

Впередъ! Вооружись мечомъ, духъ мой,
И за подобіе Божье рвись въ бой!

Средство къ осуществленію этой цѣли Брандъ, сначала, усматривалъ въ рядѣ рѣшительныхъ, геройскихъ поступковъ (въ родѣ отважной переправы черезъ фіордъ въ жестокую бурю ради напутствія умиравшаго тяжкаго грѣшника) и въ коренной, радикальной ломкѣ всего наличнаго уклада жизни, съ цѣлью замѣны его новымъ, совершеннымъ строемъ. А самую арену такой дѣятельности онъ представлялъ себѣ больше въ какомъ-то внѣшнемъ, чисто территоріальномъ смыслѣ.

Прочь же отсюда скорѣе,—
рыцарю Господа нуженъ просторъ!...
Мнѣ нужно, чтобъ весь міръ внималъ мнѣ
слухомъ чуткимъ!

Но затѣмъ, отчасти подъ вліяніемъ Агнесъ—чистой, идейной дѣвушки, увлеченной личностью Бранда и въ свою очередь очаровавшей его,—а главное, въ силу своего собственнаго духовнаго роста, Брандъ понялъ, что успѣхъ его дѣла—не во внѣшней широтѣ проповѣди, а въ ея внутренней силѣ и глубинѣ. Потому онъ оставляетъ свои первоначальные замыслы широкой, чуть не всемірной проповѣди и беретъ скромное мѣсто приходскаго пастыря, желая внутренно переродить и перевоспитать ввѣрившіяся ему души.

Теперь я вижу—понималъ невѣрно
спасеніе людей и міра. Подвигъ,
великія и громкія дѣла
персоздать, поднять людей не могутъ.

Вглубь и вовнутрь! О, я понялъ теперь,
это—путь вѣрный, единый
Наша душа, наше сердце—тотъ міръ,
только что созданный, новый,
гдѣ намъ жить въ Богѣ вести предстоитъ...

Изъ сферы отвлеченныхъ идеаловъ Брандъ спускается въ область конкретной дѣйствительной жизни и самоотверженно работаетъ надъ своимъ приходомъ.

Теперь, спустившись съ высоты, въ долинѣ я стою....
Пропѣтъ теперь мой гордый гимнъ воскресный,
разсѣдланнымъ стоитъ крылатый конь,
но къ цѣли высшей путь ведетъ мой тѣсный
и болѣ чистый душу жжетъ огонь!
Трудъ будничный, тяжелый и упорный
преображу я въ праздникъ благотворный!

Внѣшняя сторона его жизни, послѣ того, довольно несложна, хотя въ то-же время и глубоко драматична.

Принявши мѣсто приходскаго священника, Брандъ женится на Агнесъ и получаетъ въ ея лицѣ достойную подругу жизни, готовую на всѣ жертвы его тяжелаго, тернистаго пути. „Въ ихъ бракѣ Ибсенъ рисуетъ намъ идеальный бракъ, какимъ онъ себѣ его представляетъ,—бракъ, основанный на полной вѣрѣ, взаимномъ пониманіи и общности интересовъ. Чувственный элементъ не играетъ здѣсь никакой роли“ [1]).

Первое время жизнь новаго приходскаго пастора течетъ сравнительно тихо и покойно. Онъ наслаждается прочнымъ семейнымъ счастьемъ, вѣнцомъ котораго является сынъ—Альфъ, радость и гордость родителей. Брандъ пользуется громаднымъ уваженіемъ и любовью прихожанъ и его слово имѣетъ у нихъ несомнѣнный и сильный успѣхъ. Успѣхъ настолько крупный, что онъ обезпокоилъ даже главу мѣстнаго гражданскаго общества—самого фогта, который и имѣетъ на эту тему серьезный разговоръ съ Брандомъ, закончившійся безсильными угрозами со стороны фогта.

Но вскорѣ начинается тяжелая семейная и личная

---

[1]) См. предисловіе къ Бранду, пер. *Ганзена,* стр. 12 изд. *Скирмунта* М. 1907 г.

драма: борьба въ душѣ Бранда между чувствами любви и долга.

Въ томъ горномъ ущельѣ, гдѣ находится приходъ Бранда, дуютъ холодные рѣзкіе вѣтры и сюда почти не заглядываетъ солнце. Въ такой обстановкѣ любимое дитя ихъ начинаетъ хирѣть и ему, по приговору доктора, грозитъ неминуемая смерть, если родители не перемѣнятъ тотъ часъ же своего мѣстожительства. Во имя любви къ ребенку, для его спасенія, Брандъ хочетъ послѣдовать совѣту доктора и идти въ другую, лучшую по климату мѣстность.

Но въ рѣшительную минуту, Брандъ усматриваетъ въ этомъ малодушномъ порывѣ измѣну своему призванію, недостатокъ воли, бѣгство отъ требованій сурового долга, во имя личнаго эгоизма. Съ этимъ соглашается и Агнесъ, хотя такое великодушное согласіе стоило ей ужасныхъ мукъ материнской любви къ обреченному на смерть ихъ сыну. Брандъ и Агнесъ, вѣрные своему суровому долгу, остаются на томъ же мѣстѣ, а ихъ сынъ—Альфъ, дѣйствительно, вскорѣ умираетъ.

Смерть единственнаго, любимаго сына, какъ-бы снова ожесточаетъ Бранда и дѣлаетъ его крайне суровымъ и требовательнымъ, прежде всего, къ своей же собственной женѣ—Агнесъ. Послѣдняя никакъ не въ силахъ забыть своего ужаснаго материнскаго горя и ищетъ хотя-бы нѣкотораго исхода изъ него въ тяжелыхъ воспоминаніяхъ о дорогомъ сынѣ. Но Бранду такое поведеніе кажется идолопоклонствомъ, унижающимъ и оскорбляющимъ чистый смыслъ жертвы, принесенной имъ во имя долга. Вотъ почему онъ рядомъ рѣшительныхъ мѣръ настойчиво и заставляетъ Агнесъ вырвать изъ своего сердца самый корень этой печали, принижающей ее къ землѣ и мѣшающей подняться къ небу. Происходитъ тяжелая потрясающая сцена—сцена борьбы естественныхъ чувствъ любящей матери съ высшими велѣніями долга, предъявленными къ ней ея мужемъ — суровымъ пастыремъ. Въ результатѣ, Агнесъ отдаетъ прохожей цыганкѣ всѣ дорогія для нея реликвіи, напоминавшія ей о сынѣ, и становится свободной отъ всякаго, чисто человѣческаго малодушія.

Но такая жертва обошлась для нихъ слишкомъ дорого: она была куплена цѣной жизни Агнесъ, которая быстро послѣ того начинаетъ таять и вскорѣ умираетъ.

И вотъ Брандъ снова одинъ. Но онъ не падаетъ духомъ: жестокіе удары судьбы только какъ-бы сильнѣе закаляютъ его и дѣлаютъ еще настойчивѣе и непреклоннѣе въ достиженіи поставленныхъ цѣлей. Вліяніе новаго пастора въ приходѣ замѣтно растетъ все сильнѣе и сильнѣе, и даже старый противникъ его—фогтъ принужденъ измѣнить свою тактику въ отношеніи къ Бранду и лицемѣрно ищетъ съ нимъ союза.

Своего апогея вліяніе Бранда достигаетъ въ тотъ моментъ, когда онъ предъ лицомъ пробста и фогта—высшихъ представителей церковной и гражданской власти—и въ присутствіи всего прихода, собравшагося на торжество освященія вновь выстроенной церкви, произноситъ громовую рѣчь о лживости и фальши всей нашей настоящей жизни, и въ частности—о бездушномъ лицемѣріи внѣшней, оффиціальной церкви. Бранда не удовлетворяетъ теперь даже вновь созданный имъ храмъ—свѣтлый и просторный, — такъ какъ и онъ, въ сущности, дань тому-же ложному пониманію христіанства и не отвѣчаетъ его идеалу.

Нѣтъ, объ иномъ я мечталъ. Я хотѣлъ
Церковь воздвигнуть такую,
своды которой могли-бы охватить
сѣнью своею не только
вѣру, религію, но и всю жизнь,
все, что живетъ, существуетъ:
будничный трудъ и воскресный покой,
утра заботы, сны ночи,
юности рѣзвость и старца печаль,
все, чѣмъ быть бѣдной, богатой
можетъ по праву людская душа!

И Брандъ такъ наэлектризовалъ толпу, что она оставила своихъ старыхъ вождей и, казалось, готова была идти за нимъ, куда угодно.

Веди жъ насъ, веди!

Чуемъ—готовится буря!
Ты поведешь насъ, и мы побѣдимъ!...
Веди! Всѣ мы идемъ за тобой!

Загипнотизированная вдохновенными рѣчами Бранда, толпа окружаетъ его тѣснымъ кольцомъ, поднимаетъ на руки и несетъ первое время на плечахъ, а затѣмъ покорно слѣдуетъ за нимъ на поиски новой жизни.

Вскорѣ, однако, такой подъемъ толпы начинаетъ быстро падать: она утомляется, испытываетъ голодъ и жажду, жалуется на трудности и крутизны дороги, сочувственно вспоминаетъ о томъ, что она покинула и наконецъ, начинаетъ открыто роптать на Бранда, за то, что онъ и напрасно увлекъ ее, и обманулъ несбыточными ожиданіями. Тутъ подоспѣли къ толпѣ пробстъ и фогтъ съ ихъ сладкими, фальшивыми рѣчами, негнушавшимися даже грубаго обмана (вѣсть фогта о необычайно-богатомъ наплывѣ сельдей), и участь Бранда рѣшается окончательно: толпа съ угрозами и проклятіями подступаетъ къ Бранду, забрасываетъ его камнями и гонитъ на пустыя скалистыя вершины; а сама возвращается назадъ и отдается снова подъ опеку своихъ старыхъ руководителей — пробста и фогта.

И вотъ, всѣми покинутый, израненный и окровавленный, Брандъ поднимается на горную площадку, гдѣ его ожидаетъ величайшее искушеніе. Здѣсь ему, глубоко страдающему и ищущему утѣшенія и опоры, является злой духъ искуситель, въ образѣ его любимой жены—Агнесъ. Видѣніе увѣряетъ, что все пережитое Брандомъ—всѣ его жестокія утраты, всѣ разочарованія и муки — были лишь дурнымъ сномъ, который больше не повторится, если Брандъ отречется отъ своего пагубнаго лозунга: „все, иль ничего“. Бранду обѣщается новая, спокойная, тихая и счастливая жизнь, въ обществѣ любимой жены и дорогаго сына, если онъ откажется отъ своихъ сумасбродныхъ, мечтательныхъ плановъ. „Брандъ, однако, остается вѣрнымъ себѣ и въ эту минуту самаго страшнаго испытанія: онъ готовъ снова пройдти весь тотъ путь борьбы и муки, ибо сознаетъ, что шелъ вѣрнымъ путемъ, какимъ *дол-*

*жен*ъ былъ идти. Онъ,—человѣкъ правды и свободы, а такому не отъ чего отрекаться, нечего желать измѣнить въ своей жизни". [1])

Препобѣдивши это послѣднее искушеніе, Брандъ поднимается на новую, еще высшую ступень совершенства: онъ перерастаетъ бывшаго пастора и осуществляетъ въ своей личности идеалъ человѣка, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Это первая признала за нимъ безумная, но ясновидящая Гердъ:

А, лишь теперь я узнала тебя!
Думала я, что ты пасторъ.
Тьфу! Пропади онъ со стадомъ своимъ!
Ты—человѣкъ, ты всѣхъ выше!...
Ты идешь впереди,
Терномъ вѣнчанный избранникъ!
Ты—величайшій!

Но самъ Брандъ гораздо болѣе скромнаго представленія о себѣ и своемъ положеніи.

Только на первой ступени стою
лѣстницы, ввысь уходящей...

и дальше онъ уже не въ силахъ двинуться, какъ заявляетъ и самъ:

Ноги-же въ ранахъ и духъ ослабѣлъ.

И все-таки, достигнувъ даже этой ступени, Брандъ морально удовлетворенъ и счастливъ:

Чувствомъ согрѣта и смысла полна
жизнь моя будетъ отнынѣ.
Цѣпь порвалась ледяная—могу,
плакать, любить и молиться!

Однако Брандъ, представляющій своимъ чистымъ возвышеннымъ идеализмомъ такой яркій контрастъ и какъ-бы вызовъ грѣшному міру, не можетъ жить въ его душной, спертой атмосферѣ и даже не нуженъ ему; а потому онъ и погибаетъ подъ градомъ камней, случайно обрушившихся на него съ вершины утеса.

II.

На фонѣ изложеннаго содержанія драмы „Брандъ", постараемся теперь разобраться въ основныхъ, харак-

[1]) Предисловіе 13 стр. къ перев. *Ганзена*.

теристическихъ чертахъ своеобразнаго міровоззрѣнія ея главнаго героя.

Несомнѣнно, что самой типичной чертой духовнаго портрета Бранда является его рѣзко выраженная индивидуальность, необыкновенная *цѣльность личности.*

Будь, чѣмъ хочешь ты, но будь вполнѣ;
будь цѣльнымъ, не половинчатымъ, не раздробленнымъ!

вотъ основной девизъ Бранда, его profession de foi, которое онъ исповѣдывалъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, примѣромъ всей своей личной жизни.

Фокусомъ-же личности, ея самымъ сильнымъ и яркимъ выраженіемъ Брандъ считаетъ *волю* въ человѣкѣ. Отсюда, ни о чемъ другомъ онъ такъ часто и настойчиво не говоритъ, какъ о волѣ, то обличая людей за ея недостаточность и дряблость, то призывая ихъ взять себя въ руки и укрѣпить свою волю. Самъ же Брандъ, прежде всего, человѣкъ сильной воли и твердой, непреклонной рѣшимости.

Воля—единственный цементъ надежный;
воля—и губитъ и освобождаетъ духъ;
она одна разрозненныя силы
его сплотить способна; въ ней вся суть.

Въ забвеніи этой коренной истины, въ ослабленіи воли, въ лѣнивой апатіи и индифферентизмѣ Брандъ усматриваетъ главный нашъ недугъ и источникъ всякаго зла.

Ошибка въ томъ, что волю забываютъ.
А воля—первое, что утолить
присущую закону справедливость
и жажду правосудія должна.

Брандъ настолько ненавидитъ нашу сонную апатію и больную дряблость и настолько увлеченъ красотой и силой воли, что готовъ привѣтствовать даже злую, но сильную волю, мотивируя это тѣмъ, что

Плоское и низменное все
такимъ ужъ и останется на вѣки;
а зло—возможно обратить въ добро.

Комментируя данную мысль Бранда, слѣдуетъ доба-

вить, что Савла можно обратить въ Павла, а тотъ кто „ни теплъ, ни холоденъ“, безнадеженъ для царства небеснаго. Въ сильной волѣ человѣка Брандъ видитъ движущій нервъ личности, источникъ ея жизненаго призванія.

Гдѣ силы нѣтъ, тамъ и призванья нѣтъ.

Отюда, главную суть своего служенія падшимъ людямъ Брандъ полагаетъ въ томъ, чтобы въ нихъ

воли льва отъ спячки пробудить.

На обычныя противъ этого возраженія, что воля людей слишкомъ ограничена, что многіе часто *не могутъ* сдѣлать того, чего искренно *хотятъ*, Брандъ прекрасно отвѣчаетъ, что суть подвига, именно, въ первомъ, т. е. въ горячемъ и искреннемъ желаніи.

О, если бы въ груди твоей билъ воли ключъ, и только
не доставало силъ, я сократилъ бы
твой путь; понесъ-бы съ радостью тебя
на собственныхъ плечахъ усталыхъ, шелъ-бы
израненной стопой легко и бодро!
но помочь тѣмъ, кто и *не хочетъ* даже
того, чего *не можетъ*, не нужна.

Ту-же мысль, еще болѣе ярко, выражаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ:

Простится то тебѣ, чего *не сможешь*,
чего-жъ *не захотѣлъ* ты—никогда!
Нашъ первый долгъ—*хотѣть* всѣмъ существомъ,
и не того лишь, что осуществимо
и въ маломъ и въ большомъ,... хотѣть—не только
въ предѣлахъ тѣхъ или иныхъ страданій,
трудовъ, борьбы,—нѣтъ, до конца *хотѣть*...

Порыву этого горячаго, искренняго желанья, онъ приписываетъ чуть не большее значеніе, чѣмъ даже самому факту его осуществленія. Во всякомъ случаѣ, именно, въ этомъ начальномъ, исходномъ моментѣ онъ видитъ главную суть подвига.

Не въ томъ спасеніе дающій подвигъ,
чтобъ на крестѣ въ страданьяхъ умереть,
но въ томъ, чтобъ этого *хотѣть* всѣмъ сердцемъ—
хотѣть и средь страданій крестныхъ даже,

въ минуты скорби и тоски предсмертной,—
лишь въ *этомъ* подвига вся суть, весь смыслъ.

Въ вдохновенной проповѣди этой сильной воли, подкрѣпленной краснорѣчивымъ примѣромъ собственной жизни Бранда, и лежитъ центръ тяжести всей его незаурядной миссіи. Недаромъ Брандъ говорилъ о себѣ, что

въ міръ я посланъ, какъ цѣлитель,
какъ врачъ для душъ больныхъ, грѣховныхъ!

Но если и согласиться съ Брандомъ, что онъ—врачъ, то во всякомъ случаѣ, не слащавый дамскій докторъ, а безпощадный хирургъ-операторъ, который страстно бичуетъ людскіе пороки и хочетъ вырвать ихъ съ корнемъ. Однимъ изъ такихъ особенно зловредныхъ корней людскаго безсилія и слабоволія онъ считаетъ вульгарно-ложное пониманіе термина „любовь".

Нѣтъ болѣе опошленнаго слова,
забрызганнаго ложью, чѣмъ—любовь!
Имъ съ сатанинской хитростью людишки
стараются прикрыть изъяны воли,
маскировать, что въ сущности ихъ жизнь—
трусливое заигрыванье съ смертью.

Мы такъ много надѣемся въ настоящей жизни на всепрощающую любовь, что эта надежда парализуетъ въ насъ всякое желаніе борьбы и подвига, необходимыхъ для достиженія дѣйствительной добродѣтели.

Путь труденъ, крутъ—его укоротить
велитъ... любовь! Идемъ дорогой торной
грѣха—надѣемся спастись... любовью!
Мы видимъ цѣль, но—чтобъ достичь ея,
зачѣмъ борьба? Мы побѣдимъ... любовью!
Заблудимся, хотя дорогу знаемъ—
убѣжище намъ все же дастъ... любовь!

Въ родствѣ съ этой псевдо-христіанской любовью находится и ложный естественный гуманизмъ, по адресу котораго Брандъ выражается не менѣе рѣзко:

Гуманность—вотъ безсильное то слово,
что стало лозунгомъ для всей земли!
Имъ, какъ плащомъ, ничтожество любое
старается прикрыть и неспособность,

и нежеланье подвигъ совершить;
любой трусишка имъ же объясняетъ
боязнь—побѣды ради, всѣмъ рискнуть.

Бранду претитъ такое пониманіе человѣческой любви и онъ сильно говоритъ:

И знать того я чувства не хочу,
которое зовутъ любовью люди.
Лишь Божью знаю я любовь, она-же
не знаетъ слабости; она сурова,
къ избранникамъ своимъ неумолима.
Томясь душою въ рощѣ Геѳсиманской
молился Сынъ: да минетъ эта чаша!
И что же—внялъ Отецъ мольбѣ Сыновней?
Нѣтъ, чашу осушить пришлось до дна!

Брандъ идетъ еще дальше: онъ находитъ, что такая фальшивая любовь и гуманность не только не требуются истиннымъ христіанствомъ, но даже противорѣчатъ ему.

Пожалуй, скоро по рецепту мелкихъ,
ничтожныхъ душъ всѣ люди превратятся
въ апостоловъ гуманности! А былъ ли
гуманенъ къ Сыну самъ Господь Отецъ?
Конечно, если бы распоряжался
тогда богъ вашъ, онъ пощадилъ бы сына,
и дѣло искупленія свелось-бы
къ дипломатической небесной „нотѣ“!

Здѣсь, именно, въ этомъ различеніи истиннаго и ложнаго христіанства и лежитъ ключъ къ разгадкѣ того, довольно непонятнаго на первый взглядъ, враждебно-критическаго отношенія Бранда къ современному христіанству, какимъ проникнута вся пьеса. Отсюда становится яснымъ, что Брандъ—отнюдь не принципіальный врагъ христіанства, во имя какой-то особой, новой религіи будущаго, какъ то склонны думать многіе. Нѣтъ, онъ убѣжденный сторонникъ чистаго и сильнаго христіанства, христіанства креста и Голгоѳы, не фальсифицированнаго никакими позднѣйшими посторонними примѣсями. И если онъ съ чѣмъ борется въ современномъ христіанствѣ, то, именно, съ поддѣлками христіанства, затемнившими чистый, подлинный

ликъ Христа, того Христа, Который и Самъ страдалъ и намъ оставилъ заповѣдь искать входа въ Его небесное царство путемъ многихъ скорбей и чрезъ тѣсныя врата. Такъ какъ данный пунктъ особенно типиченъ для характеристики всего міровоззрѣнія и самой личности Бранда, то мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Укажемъ, прежде всего, на то, что Брандъ современное христіанство, или точнѣе, его адептовъ упрекаетъ въ неискренности и раздвоенности, въ разладѣ слова съ дѣломъ.

Отъ вѣры, отъ ученія Господня
вы отдѣлили жизнь, и въ ней никто
Христіаниномъ быть ужъ не берется;
въ теоріи стремитесь къ совершенству,
живете жъ по инымъ совсѣмъ завѣтамъ!

бросаетъ Брандъ прямо въ лицо свой гнѣвный, но справедливый укоръ всѣмъ современнымъ христіанамъ.

Брандъ находитъ, далѣе, что современное человѣчество, измельчавшее само, исказило и правильное понятіе о Богѣ, перестроивши его по своему лживому масштабу.

И Богъ такой вамъ нуженъ, чтобъ сквозь пальцы
смотрѣлъ на васъ. Какъ самый родъ людской,
Онъ долженъ былъ состариться, и можно
его изображать въ очкахъ и лысымъ...

Такой богъ — „добродушный дѣдушка“, съ какимъ люди не привыкли строго и серьезно считаться, надѣясь на его безграничное милосердіе и слабость.

Заразой чумною надежда эта
вселенную и отравляетъ всю;
молитвами, смиреніемъ—де можно
умилостивить Судію, въ часъ смерти!
Еще-бы! Къ тому привыкли всѣ.
Давно вѣдь знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло,
и всѣ торгуются со старикомъ!

Преступно-равнодушное нежеланіе борьбы и подвиговъ, соединенное съ трусливой боязнью „жертвы“, малодушное человѣчество думаетъ замѣнить одной

молитвой. Такая молитва, какъ легкая и удобная замѣна необходимыхъ, но тяжелыхъ подвиговъ—въ глазахъ Бранда безнравственна и кощунственна по существу.

А грѣхъ уравновѣшенъ м. б. одною
лишь радостной готовностью на жертвы.
Но слова „жертва“ нашъ боится вѣкъ,
его замалчиваетъ осторожно.
Молитва... Гм... молитва! Это слово
зато не сходитъ съ языка людей.
Для нихъ молитва—жалобные вопли
о милости, которые въ пространство
по адресу Невѣдомаго они шлютъ;
для нихъ молитва—клянчанье мѣстечка
на томъ возу, что тянетъ въ рай Христосъ...

Безпощадно и рѣзко бичуетъ Брандъ современныхъ христіанъ за то, что они, живя шесть дней въ недѣлю совершенными язычниками, въ седьмой лишь слегка вспоминаютъ о Богѣ. Но еще сильнѣе онъ презираетъ ихъ за то, что проводя всю свою жизнь безпечно и весело, безъ докучливыхъ мыслей о Богѣ и о спасеньѣ, лишь передъ самой смертью они начинаютъ жалобно стучаться въ рай, какъ въ какую-то богадѣльню.

Шесть дней въ недѣлю приспущенъ
стягъ благодатный Господень у васъ;
въ воздухѣ вѣетъ, стремится
къ небу въ седьмой лишь!..
Кубокъ до дна опорожненъ,
нѣтъ ни ума, ни здоровья,—пора
вѣрить, молиться, спасаться!
Только утративши Божескій ликъ,
да и людское подобье,
къ Богу стучитесь въ ворота клюкою,—
рай для васъ лишь богадѣльня!

Въ такомъ упрощенномъ пониманіи религіи и въ такомъ безцеремонно-механическомъ отношеніи къ ней и лежитъ, по Бранду, главная причина раздвоенности личности человѣка, безсилія его воли и недѣйственности всего современнаго христіанства.

Въ вашей душѣ сидитъ врагъ, что глаза
вамъ такъ лукаво отводитъ.
Съ собственной личностью торгъ вы вели,
сами ее раздвояли;
вслѣдъ за раздвоенностью пустота
въ вашей душѣ воцарялась.
Что теперь въ храмъ васъ толпами влечетъ?
Блескъ его, звуки органа,
жажда вновь сладкую дрожь испытать,
внемля, какъ сотрясаетъ
воздухъ оратора голосъ.....

Но отъ такого, чисто внѣшняго, въ общемъ пожалуй пріятнаго, но совершенно пустаго впечатлѣнія не остается ничего, никакого прочнаго и дѣйствительнаго слѣда въ нашей душѣ, а оттуда и въ нашей жизни. Послѣдняя продолжаетъ течь по прежнему, какъ бы вовсе даже и не замѣчая христіанства, по своему обыденному, грубо матеріальному руслу, безъ всякаго отношенія къ идеалу.

Зрѣніе, слухъ свой натѣшивъ
внѣшнимъ,—оно вашъ кумиръ,—вы къ себѣ
снова домой возратитесь—
къ жизни тупой и сонливой своей,
къ тяжкой борьбѣ изъ-за хлѣба,
съ будничнымъ платьемъ на тѣло—ярмо
будней на душу, а книгу
съ вѣстью благою—въ сундукъ! Пусть
полежитъ до того воскресенья!

По причинѣ такого воззрѣнія на Бога, религію и дѣло спасенія, нынѣ понизились и потускнѣли идеалы человѣчества и замѣтно измельчалъ самый его духъ.

Теперь духъ измельчалъ, благодаря
воззрѣнью человѣчества на Бога.....

Новое яркое доказательство этого Брандъ видитъ въ томъ, что въ христіанствѣ мы больше интересуемся не тѣмъ, что поднимало бы насъ къ небу, а тѣмъ, что тянетъ насъ къ землѣ.

Насквозь я вижу васъ, тупые люди,
вы—души вялыя, пустыя груди!
Молитву, данную вамъ: „Отче нашъ“

лишили воли крылъ и вдохновенья,
и изъ нея доноситъ лепетъ вашъ
до Бога лишь „четвертое прошенье“...
оно хранится, какъ обломокъ нѣкій, щепка
отъ вѣры всей, погибнувшей давно!...

Шире раздвигая рамки даннаго вопроса и углубляя его рѣшеніе, Брандъ, въ концѣ концовъ, совершенно справедливо сводитъ его къ роковой борьбѣ плоти и духа, къ рѣшительному столкновенію властныхъ матеріальныхъ интересовъ съ безплодными идейными порывами. Силу этого трагическаго противорѣчія Брандъ чувствуетъ, прежде всего, на себѣ самомъ.

Гнетъ надо мной тяготѣетъ—
бремя тяжелое, бремя родства
съ низменнымъ духомъ, тянувшимъ
вѣчно къ землѣ и небесныхъ сѣмянъ
всходы въ душѣ заглушавшимъ!

Еще со временъ очень ранняго дѣтства, Бранда всегда занимала и мучила одна мысль,—

смутное сознаніе разлада
межъ вещью—быть какой должна, и вещью—
какая есть. Межъ долгомъ—бремя несть
и неспособностью нести его“.

Мы не можемъ удержаться отъ того, чтобы не отмѣтить всей правильности и глубины рѣшенія Брандомъ поставленнаго вопроса и вмѣстѣ, чтобы не указать на его поразительное совпаденіе съ христіанскимъ взглядомъ, наиболѣе точно и даже художественно развитымъ въ классическомъ мѣстѣ изъ посланія ап. Павла къ Римлянамъ (VIII гл.).

Въ рѣшеніи данной проблемы—существованія зла въ мірѣ—Брандъ, повидимому, еще ближе подходитъ къ христіанству въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ проводитъ теорію о родовомъ грѣхѣ и грѣховномъ наслѣдствѣ, довольно близко напоминающую извѣстный христіанскій догматъ о прародительскомъ грѣхопаденіи и наслѣдственности грѣховной порчи во всемъ, происшедшемъ отъ нихъ потомствѣ. Право такъ думать и говорить о Брандѣ даютъ намъ неоднократно встрѣчающіяся у него разсужденія о тяжкомъ наслѣдствѣ долговъ, остав-

леннымъ намъ нашими отцами и матерями и о необходимости для насъ моральной расплаты за нихъ.

Данный вопросъ со всей его остротой и силой всталъ предъ нравственнымъ сознаніемъ Бранда еще очень рано и первоначально, повидимому, не находилъ въ его душѣ яснаго отвѣта.

Начало гдѣ отвѣтственности нашей
за то, что переходитъ по наслѣдству?
Какой ждетъ судъ и судія какой,
когда придетъ день грознаго допроса?
Гдѣ взять свидѣтелей, гдѣ прокуроровъ,
когда кругомъ отвѣтчики одни?
И кто посмѣетъ документъ представить—
изъ рода въ родъ переходившій, грязный?..

И на все это онъ пока не находитъ другаго отвѣта, кромѣ чувства недоумѣнія и ужаса передъ этой страшной, общечеловѣческой загадкой.

Загадка, умъ мутящая, которой
пока никто не въ силахъ разгадать!
Толпа, безъ смысла, безъ сознанья пляшетъ
надъ краемъ пропасти. Должны бы души
кричать и содрагаться; но увы
изъ тысячи не видитъ ни единый,
какая страшная гора долговъ
растетъ изъ маленькаго слова—*жизнь!*

Правда, позднѣе въ эту довольно неопредѣленную формулу о грѣховномъ долгѣ, унаслѣдованномъ отъ родителей, Брандъ начинаетъ влагать болѣе конкретное содержаніе. Подъ нимъ онъ, главнымъ образомъ, разумѣетъ привязанность людей къ матеріальнымъ благамъ и наслѣдственную, предачу ихъ, какъ какой-то безусловной, чуть не единственной цѣнности. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, Брандъ горячо упрекаетъ свою собственную мать, жадную, корыстолюбивую старуху, пришедшую порадовать сынка тѣмъ извѣстіемъ, что она все, съ такимъ трудомъ накопленное ею богатство, передаетъ одному ему.

Умна ты, а во мнѣ ошиблась все же,
меня своею мѣрой измѣряя.
И много васъ, родителей такихъ,

приказчика лишь видящихъ въ ребенкѣ,—
приказчика, которому удобно
сдать, умирая, на руки всю рухлядь!

Брандъ грубко вѣрно упрекаетъ дальше такихъ сердобольныхъ родителей за то, что они совершенно неправильно представляютъ себѣ, въ чемъ истинное и подлинное благо, и совершаютъ грубую подмѣну его истинныхъ духовныхъ цѣнностей на мишурныя и призрачныя матеріальныя блага, которыя вмѣсто ожидаемой отъ нихъ пользы, приносятъ лишь одинъ очевидный вредъ.

О вѣчности у васъ мелькаетъ мысль,
и думаете вы ея достигнуть,
наслѣдство связывая съ родомъ крѣпко
и съ жизнью смерть: ряды слагая жизней
преемственныхъ, въ итогѣ получить
разсчитываете вы вѣчность!

Но всѣ такіе эгоистическіе разсчеты приводятъ къ совершенно обратной цѣли: они создаютъ только лишнее бремя для свободнаго человѣческаго духа, задерживающее его порывы и потому требующее рѣшительной борьбы съ нимъ. Подобная привязанность къ житейскимъ благамъ тѣмъ опаснѣй и преступнѣе, что она, почти всегда, соединяется съ попраніемъ высшихъ, идеальныхъ стремленій человѣческаго духа, приносимыхъ въ жертву этому матеріальному молоху, что безконечно увеличиваетъ моральную тяжесть такихъ наслѣдственныхъ долговъ.

Съ глубокой сердечной болью Брандъ высказываетъ это своей несчастной матери и призываетъ ее одуматься и прозрѣть.

Прозри-же, ослѣпленная! Ты Божье
добро растратила здѣсь на землѣ—
ту душу, что отъ Бога получила;
Его подобіе ты исказила,
забрызгала его житейской грязью;
ты духу, что въ тебя Онъ вдунулъ, крылья
обрѣзала въ житейской суетѣ.
Такъ, вотъ—твои долги. Куда-жъ отъ Бога
бѣжишь, когда потребуетъ Свое
обратно Онъ!

При этомъ Брандъ добавляетъ, что если матеріальный ущербъ отъ такого ложнаго поведенія и можетъ быть вознагражденъ другими, то моральное зло его ужасно и требуетъ полнаго раскаянія самаго грѣшника, или расплаты смертью, которая одна лишь можетъ послужить достаточнымъ искупленіемъ грѣха.

Вся сумма человѣчности, тобою
растраченная въ суетѣ житейской,
возвращена сполна быть можетъ міру
усердіемъ другаго человѣка;
но грѣхъ растраты самой долженъ быть
искупленъ расточителемъ самимъ.

Раскаянье иль.... смерть—за грѣхъ расплата! Раскаянье должно быть самымъ полнымъ, искреннимъ и глубокимъ, такъ чтобы свободный духъ человѣка порвалъ-бы всѣ связывающія его узы.

Какъ ты, условіе свое я ставлю:
все то, къ чему привязаны мы плотью,
отбросишь отъ себя ты добровольно,
и нищею, нагой сойдешь въ могилу.

Роковая проблема плоти и духа, стояла мучительной загадкой даже передъ такой, казалось-бы, утратившей всякую моральную чуткость особой, какой была одержимая маніей любостяжанія мать Бранда.

Зачѣмъ-же въ плоти родилась моя душа,
когда что́ мило плоти—смерть душѣ?

Нѣкоторымъ отвѣтомъ на это могутъ служить слѣдующія слова Бранда, въ которыхъ онъ ясно указываетъ мотивы своего рѣшительнаго предпочтенія однихъ интересовъ передъ другими.

Но нѣчто есть, что существуетъ вѣчно—
несотворенный духъ, попавшій въ рабство
весною первой бытія, обрѣтшій
свободу вновь, когда отъ плоти мостъ
онъ къ своему источнику, мостъ вѣры
несокрушимой снова перебросилъ.

Въ самоотверженной, всесокрушающей борьбѣ за эти поруганные идеалы богоподобнаго человѣческаго духа Брандъ и видитъ конечную цѣль всего своего дѣла.

Какъ крестоносецъ, мечъ я выну свой,

чтобъ дѣло Божье восторжествовало!
Да побѣдитъ духовное начало
грѣховную, испорченную плоть!

Орудіями этой духовной брани онъ признаетъ бичъ огненнаго слова съ пламеннымъ призывомъ къ волѣ.

Бичъ слова мнѣ вложилъ въ уста Господь,
зажегъ въ груди негодованія пламя,
велѣлъ поднять высоко воли знамя!
И я не предъ чѣмъ не отступлю,
пока проклятія не искуплю!

III.

Здѣсь, такимъ образомъ, мы снова встрѣчаемся съ главной, основной темой всей горячей проповѣди Бранда, съ его ученіемъ *о примать воли*. Сильная, твердая, могучая воля должна порвать цѣпь условностей и компромиссовъ, въ которой мучительно бьется живая человѣческая личность. Она должна снять всѣ путы и разбить оковы, чтобы радостно и легко осуществить свое высшее, истинно-человѣческое призваніе. Только человѣка, одареннаго твердой, несокрушимой волей, Брандъ и готовъ считать цѣльной и полной личностью, которой всѣ должны давать дорогу.

Мѣсто, просторъ и свобода
личности цѣльной и вѣрной себѣ!

Поэтому ничто такъ не возмущаетъ чуткую душу Бранда, ничто не вызываетъ его на такой рѣзкій и рѣшительный отпоръ, какъ обычная у насъ система компромиссовъ, своеобразныхъ сдѣлокъ съ совѣстью и волей, стремленіе устроить все такъ, чтобы—по пословицѣ—и капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти. Вся энергичная, суровая и прямолинейная фигура самого Бранда является самымъ лучшимъ и краснорѣчивымъ отрицаніемъ такого компромисса. И онъ вправѣ говорить о себѣ:

Богатъ иль нищъ—не знаю компромиссовъ,
чего хочу—я до конца хочу.
И этого съ меня довольно.

Брандъ не можетъ простить себѣ даже малѣйшаго

уклоненія въ сторону отъ намѣченнаго пути и безпощадно бичуетъ себя за это самъ. Такъ онъ, напр., съ глубокой горечью вспоминаетъ ту—какъ онъ называетъ—свою безумную сдѣлку съ Богомъ, когда онъ мечталъ удовлетворить Его постройкой новаго храма вдвое просторнѣе стараго и выше разъ въ пять.

Божій завѣтъ нерушимый—или все
иль ничего—позабылъ я!
Сбился на путь компромиссовъ. Но днесь
Господа вновь я услышалъ...
нѣтъ во мнѣ больше сомнѣній слѣда!
Духъ компромисса—самъ дьяволъ!

Ядъ компромисса, этотъ губительный продуктъ дряблой, больной воли и раздвоенности личности, проникаетъ положительно повсюду и отравляетъ собой самые источники всей нашей мысли и жизни. Благодаря ему, именно, у насъ нѣтъ чистой, сильной и живой вѣры, захватывающей все существо человѣка, какой только и можетъ быть истинная вѣра.

Вѣрить вѣдь надобно *всею* душой;
но назови ты мнѣ душу
цѣльную здѣсь хоть одну? Укажи,
кто не растратилъ бы лучшей
части ея на житейскомъ пути,
ощупью гдѣ пробирался?...

Тутъ снова припоминаются слова горькой укоризны, сказанныя Брандомъ своей несчастной матери:

душу, что отъ Бога получила,
Его подобіе ты исказила,
забрызгала его житейской грязью.

И во всемъ этомъ виновата наша фальшивая теорія компромиссовъ, которая никого не удовлетворяя и ничего не достигая, въ то же время ужасно насъ деморализуетъ и влечетъ за собой страшный параличъ воли.

Иль намъ не сказано свыше,
что лишь какъ дѣти—что значитъ: съ душой
чистой и свѣжей, здоровой—
царство Господне наслѣдуемъ мы,
всѣ-жъ ухищренья напрасны!

Брандъ не отказывается даже и пояснить, почему такую раздвоенность и компромиссъ онъ считаетъ безусловно вреднымъ и опаснымъ явленіемъ. Въ человѣкѣ, полномъ компромиссовъ, по взгляду Бранда,

ни добродѣтели въ немъ, ни пороки
всего не заполняютъ „я“; онъ—дробь
и въ маломъ и въ большомъ, и въ зломъ и въ добромъ.

Нельзя не сознаться, что это Брандовское опредѣленіе компромисса—одно изъ самыхъ сильныхъ и мѣткихъ: такимъ глубокимъ анализомъ компромисса Брандъ удачно показалъ намъ все духовное убожество, все ничтожество и пустоту подобныхъ людей, превратившихся изъ живыхъ, цѣльныхъ индивидуальныхъ единицъ, въ какую-то отвлеченную, жалкую дробь; да и эта несчастная дробь находится въ опасности ея полнаго уничтоженія, такъ какъ достаточно какой угодно, даже самый минимальной, дозы отрицательныхъ элементовъ въ составѣ свойствъ этой дроби, чтобы зачеркнуть собой всѣ положительныя ея свойства.

Всего хуже то, что убиваетъ
любая дроби часть остатокъ весь.

Комментируя данную мысль Бранда, можно даже сказать, что чѣмъ выше и чище весь составъ какой либо подобной дроби, тѣмъ замѣтнѣе и ярче выдѣляются на общемъ фонѣ ея даже малѣйшіе дефекты; подобно тому какъ, напр., на идеально-чистомъ, бѣлоснѣжномъ туалетѣ кричащимъ диссонансомъ выступаетъ каждое темное пятно, совершенно незамѣтное на костюмѣ ужъ не первой свѣжести и чистоты.

Эта проповѣдь противъ *половинчатости и компромисса* звучитъ въ рѣчахъ Бранда особенно настойчиво и громко.

Не будь однимъ вчера, другимъ сегодня,
а завтра, черезъ мѣсяцъ третьимъ. Будь,
чѣмъ хочешь ты, но будь вполнѣ; будь цѣльнымъ,
не половинчатымъ, не раздробленнымъ!

Безспорно, здѣсь-же находитъ свое полное оправданіе и знаменитый лаконическій девизъ Бранда—„все иль ничего“,—бывшій для него sui generis категорическимъ

императивомъ, властно заправлявшимъ всѣмъ ходомъ его жизни—всѣми его рѣчами и дѣлами.

Я строгъ, суровъ въ своихъ стремленьяхъ къ цѣли;
мой лозунгъ—*все иль ничего*.....
Уступокъ никакихъ, ни послабленій,
ни снисхожденія къ грѣху не жди.....

Для Бранда суровое рѣшительное требованіе—иль все иль ничего—это не его личная, произвольная выдумка, а голосъ самаго неба—

Божій завѣтъ нерушимый.....

Вотъ почему онъ считаетъ тяжкимъ грѣхомъ и ужаснымъ преступленіемъ малѣйшее сокращеніе этой заповѣди, всякую попытку ея умаленія или смягченія. По мысли Бранда—это уже будетъ уступкой компромиссу, который по праву обладателя потребуетъ себѣ и дальнѣйшихъ жертвъ.

Маленькой ждалъ онъ уступки,
только мизинецъ просилъ протянуть;
взялъ-бы затѣмъ и всю руку,
душу мою загубилъ-бы на вѣкъ.
Это былъ духъ компромисса!

Этими немногими словами Брандъ, безъ сомнѣнія, сказалъ очень много. Онъ художественно и сильно изобразилъ соблазнъ грѣха, его притягательную силу: стоитъ только рѣшиться на грѣхъ, уступить въ сопротивленіи, сдѣлать сначала самый небольшой проступокъ, чтобы уже парализовать свою волю, встать на наклонную плоскость и по закону инерціи неудержимо покатиться по ней внизъ и дальше.

Вотъ, почему, Брандъ со всей кипучей силой своего краснорѣчія и со всей суровой энергіей своей желѣзной воли такъ рѣшительно и борется противъ всякой попытки послабленій и уступокъ, ведущихъ на путь компромиссовъ, путь преступныхъ сдѣлокъ съ совѣстью и широкаго, безудержнаго грѣха. Съ этой, совершенно справедливой точки зрѣнія, вполнѣ понятно, что важна малѣйшая уступка, рѣшающее значеніе имѣетъ лишь первый шагъ; а разъ онъ сдѣланъ, то все пропало: сопротивленіе грѣху сломлено, дверь

въ душу человѣка ему открыта и онъ, конечно, не замедлитъ войдти туда всецѣло.

Я вижу—строите вы на трясинѣ—

сказалъ однажды Брандъ и этимъ далъ глубокій художественный образъ той опасности, какую представляетъ собой удобный и пріятный путь компромисса, которымъ мы обыкновенно идемъ въ своей жизни. Брандъ удачно сравниваетъ его съ трясиной на болотѣ, которая своимъ обманчивымъ зеленымъ блескомъ манитъ къ себѣ ищущаго выхода усталаго путника. Но горе ему, если онъ станетъ на эту трясину: она вскорѣ-же начнетъ раздаваться подъ ногами довѣрчиваго путника и несомнѣнно засосетъ его и задушитъ въ своихъ грязныхъ, холодныхъ объятіяхъ. Съ этимъ яркимъ, выразительнымъ образомъ мы встрѣчаемся у Бранда еще разъ, въ его могучемъ призывѣ къ освобожденію отъ компромиссовъ.

Юныя, бодрыя души, за мной!....
Васъ поведу я къ побѣдѣ!
Рано иль поздно проснуться должны,
стать благороднѣй и чище,
цѣпь компромиссовъ порвать. Такъ скорѣй
прочь изъ оковъ малодушья,
тины раздвоенности!.....

Итакъ, путь компромисса, это по Бранду—параличъ воли, тина раздвенности личности, грѣховная трясина, засасывающая живаго человѣка. Ясно, что всѣ усилія человѣка должны быть направлены къ тому, чтобы не сбиться на этотъ опасный и пагубный путь.

Но къ сожалѣнію, огромная масса человѣчества стоитъ, именно, на этомъ гибельномъ пути и продолжаетъ безпечно идти по нему, легкомысленно не сознавая всей смертельной опасности его. Отсюда у Бранда постоянные горячіе призывы сойдти съ этого пути и порвать цѣпь условностей и компрмиссовъ, во чтобы то ни стало, хотя бы цѣной самыхъ рѣшительныхъ и суровыхъ жертвъ. А такъ какъ сѣть компрмиссовъ успѣла уже достаточно опутать нашу волю, завоевать наши симпатіи, то борьба съ нею чувствуется нами какъ уже своего рода лишеніе, какъ утрата чего-

то привычнаго и дорогого, съ чѣмъ успѣли мы сродниться и самая борьба съ чѣмъ уже требуетъ отъ насъ жертвы. Естественнымъ логическимъ выводомъ изъ этого является у Бранда *идея жертвы*, которая занимаетъ такое видное мѣсто въ его міровоззрѣніи.

Въ жизненной борьбѣ духа съ плотью, идеальнаго съ матеріальнымъ, мы, вопреки второй заповѣди десятословія, понатворили себѣ множество грубыхъ, чувственныхъ кумировъ, которымъ усердно и служимъ. Для однихъ такимъ идоломъ служитъ богатство, какъ, напр., для несчастной матери Бранда, для другихъ—вліяніе въ обществѣ, какъ напр., для фогта, для третьихъ—спокойное, сытое и безпечное существованіе, какъ, напр., для пробста, для нѣкоторыхъ—семейный очагъ и его интересы, какъ отчасти для самихъ Бранда и Агнесъ. Со всѣми названными идолами, привязанностями и страстями, нужно бороться и бороться, какъ можно настойчивѣе и сильнѣе.

Въ этой борьбѣ Брандъ также неумолимъ: онъ не признаетъ здѣсь никакихъ сдѣлокъ и компромиссовъ, и снова выставляетъ свое суровое требованіе — все иль ничего. Всякій компромиссъ безусловно недопустимъ, съ точки зрѣнія Бранда, уже по одному тому, что онъ говорилъ-бы о живучести старыхъ, закоренѣлыхъ привычекъ, свидѣтельствовалъ-бы о томъ, что нашъ духъ не освободился изъ подъ ихъ плѣна и потому еще не способенъ подняться на высоту новаго, болѣе чистаго и безкорыстнаго служенія идеалу. Отсюда становится вполнѣ понятнымъ безусловное требованіе Бранда не останавливаться передъ принесеніемъ самыхъ рѣшительныхъ жертвъ, включительно до жертвы своимъ сыномъ, своей женой, даже собственной своей жизнью, разъ это требуется велѣніями долга, для блага человѣчества, во имя высшихъ, идеальныхъ интересовъ.

Въ указанномъ отношеніи Брандъ идетъ такъ далеко, что даже въ естественномъ материнскомъ чувствѣ безъисходнаго горя Агнесъ о смерти ея любимаго сына—Альфа и въ ея нѣжныхъ воспоминаніяхъ о немъ, онъ видитъ своеобразное „маленькое идоло-

поклонство", „игру съ тоской" и требуетъ, чтобы Агнесъ съ корнемъ вырвала изъ своего сердца эту послѣднюю земную привязанность, стѣсняющую ее для свободнаго полета къ небу. Агнесъ долго борется съ нимъ, и понемногу уступая, соглашается отдать лишь половину тѣхъ предметовъ, съ которыми у ней сначала, были связаны дорогія воспоминанія о ребенкѣ, затѣмъ, почти все, кромѣ одного, послѣдняго предмета. Но Брандъ неумолимъ:

Не можешь *всѣмъ* пожертвовать,
такъ остальныя жертвы
не стоятъ *ничего*.

Равнымъ образомъ, когда умирающая старуха--мать Бранда соглашалась въ предсмертномъ страхѣ разстаться съ девятью десятыми своего идола—богатства, желая спасти для себя лишь одну его десятую, Брандъ сурово отвѣчалъ присланному отъ нея:

Иль все отдать
она должна, иль ничего не нужно.

И тутъ-же, далѣе, болѣе подробно пояснилъ свою мысль:

Обломокъ малый золотого тельца—
все тотъ-же идолъ,—ей скажи!

Тяжелому испытанію такой страшной жертвы не разъ подвергается и желѣзная воля Бранда, готовая дрогнуть и поколебаться передъ натискомъ сильныхъ искушеній.

Такъ, было передъ смертью Альфа, когда Брандъ одно время колебался оставить свой приходъ, для спасенія заболѣвшаго сына. То же, еще съ большей силой, повторилось и передъ смертью жены—Агнесъ, когда, въ порывѣ малодушія, изъ его устъ вырвались было такія слова:

Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Не могу я!
Силу ты знаешь мою, но тебя
мнѣ потерять не подъ силу.
Пусть все другое, всего пусть лишусь,
всякой побѣды, награды,
лишь не тебя, не тебя, не тебя!

Но временная слабость, обнаруживающая человѣче-

скую природу Бранда, скоро проходитъ и уступаетъ свое мѣсто ясному и твердому сознанію долга и заставляетъ его глубоко раскаяться въ первоначальномъ порывѣ:

Горе мнѣ, горе мнѣ, если бъ
это я захотѣлъ!...

Но страшныя, почти нечеловѣческія жертвы, которыя приноситъ и самъ Брандъ и требуетъ ихъ отъ другихъ—это не простая, безсмысленная жестокость фанатика-изувѣра, въ чемъ склонны нѣкоторые обвинять Бранда, а лишь необходимое оперативное вмѣшательство для оздоровленія духовнаго организма. За частичнымъ страданіемъ и жертвой насъ ждетъ вѣра въ полную побѣду, за горечью временной утраты—радость вѣчнаго пріобрѣтенія.

Вѣрь до конца себѣ, сердце мое:
все проигравъ—побѣждаешь,
все потерявъ—обрѣтаешь:
то лишь, что умерло, вѣчно твое!

Какъ это близко къ извѣстному евангельскому тексту, кто здѣсь на землѣ потеряетъ свою жизнь, ради Христа и Его ученія, тотъ безконечно больше пріобрѣтаетъ тамъ, на небѣ! (Мѳ. IX, 39.)

Поскольку вся будничная жизнь людей протекаетъ въ откровенномъ служеніи низменнымъ матеріальнымъ интересамъ, или—въ лучшемъ случаѣ — въ заколдованномъ кругу компромиссовъ, то вся она, для того, чтобы стать дѣйствительно разумной и истинно-человѣчной жизнью, должна превратиться въ сплошной крестный путь, имѣющій для каждаго свою особую, жертвенную Голгоѳу. Поэтому-то на вопросы толпы, какъ долго она должна бороться, что потерять и что пріобрѣсти, Брандъ даетъ слѣдующій отвѣтъ, который можно разсматривать заключеніемъ всей его проповѣди:

Какъ долго предстоитъ бороться вамъ?
Всю жизнь, до самаго конца, пока вы
всѣхъ жертвъ не принесете, съ компромиссомъ
не разорвете навсегда; пока
не станетъ ваша воля цѣльной, сильной,

и не падутъ трусливыя сомнѣнья,
передъ завѣтомъ—все иль ничего.
Какія угрожаютъ вамъ потери?
Потеря всѣхъ боговъ мірскихъ и духа
раздвоенности, рабства всѣхъ цѣпей,
блестящихъ, позолоченныхъ и вашей
сопливой немощи пуховиковъ!—
Награда ваша? Вѣры вдохновенье
и воли чистота, души единство,
ея готовность радостная къ жертвамъ,
которую и смерть не остановитъ,
и на чело—изъ терніевъ вѣнецъ!

Въ этомъ заключительномъ аккордѣ ясно звучитъ конечная, цѣль всей проповѣди Бранда, ея положительной raîson d'être, который пожалуй еще очевиднѣе вытекаетъ изъ слѣдующаго признанья самого Бранда:

Черезъ пустыню жертвъ ведетъ дорога
въ страну обѣщанную—Ханаанъ.
Къ побѣдѣ—черезъ пораженье, смерть—
зову я васъ, какъ воиновъ Господнихъ!

IV.

Мы закончили свой непосредственный анализъ основныхъ идей религіозно-философской проповѣди Бранда и потому въ правѣ были бы считать свою ближайшую задачу, такъ или иначе, исполненной. Но мы не исчерпали-бы этой задачи до конца, оставили-бы въ своихъ читателяхъ вполнѣ понятное впечатлѣніе нѣкоторой неясности и неполноты, если-бы не сдѣлали попытки, въ заключеніе всего, подвести итогъ всему сказаному и тѣмъ самымъ уклонились-бы отъ обязанности произвести оцѣнку всего Брандовскаго міровоззрѣнія.

Но боязнь и въ данномъ случаѣ также, какъ и раньше — при самомъ анализѣ содержанія Бранда впасть въ субъективный произволъ, удерживаетъ насъ отъ прямой, положительной оцѣнки данной драмы и заставляетъ подойти къ этому вопросу дру-

гимъ, отрицательнымъ путемъ, путемъ критическаго разбора наиболѣе извѣстныхъ, такъ сказать, „ходячихъ“ возраженій противъ Бранда, постоянно встрѣчающихся и въ обществѣ и въ литературѣ.

Начнемъ съ разбора наиболѣе парадоксальнаго взгляда, который пришлось намъ слышать на одной, въ общемъ живой и интересной, спеціальной лекціи о Брандѣ. Талантливый лекторъ съ самаго же начала громко заявилъ удивленной публикѣ, что Брандъ—типъ совершенно безрелигіозный, даже неимѣющій никакого отношенія къ религіи, это—гордый, аристократическій индивидуалистъ, анархически протестующій противъ буржуазной пошлости и мѣщанства жизни. Виновникъ такого оригинальнаго взгляда настолько, повидимому, былъ увѣренъ въ своей очевидной правотѣ, что не счелъ нужнымъ приводить даже и доказательства, кромѣ нѣсколькихъ, мимоходомъ оброненныхъ имъ фразъ о томъ, что Брандъ ѣдетъ „хоронить Бога“, что онъ срываетъ старую церковь и не удовлетворяется никакой новой.

Крайняя субъективность этого взгляда настолько очевидна, что и мы, увѣренно, можемъ освободить себя отъ труда и доказывать и разъяснять. Дѣйствительно, сказать о Брандѣ, вся жизнь котораго была сплошнымъ религіозно-общественнымъ подвигомъ, что это—типъ безрелигіозный, значитъ сказать пожалуй нѣчто даже большее, чѣмъ напр. признать Вольтера, Карла Маркса или Дарвина за спеціальныхъ апологетовъ религіи. Самую странность подобнаго непонятнаго утвержденія мы объясняемъ ничѣмъ инымъ, какъ крайне смутнымъ представленнымъ лектора о сущности религіи, и произшедшимъ вслѣдствіе этого его наивнымъ смѣшеніемъ самаго существа религіи—за что всей душой стоялъ Брандъ—съ ея случайными внѣшними формами, нерѣдко искажающими подлинную религію и принижающими ее до уровня современной житейской пошлости и грубаго мѣщанства, противъ чего, дѣйствительно, Брандъ очень энергично ратовалъ. Съ этой, единственно возможной точки зрѣнія, и слѣдуетъ оцѣнивать и понимать и всѣ соблазнительныя рѣчи Бранда о томъ,

что онъ ѣдетъ хоронить Бога, что онъ не удовлетворяется современной церковностью и мечтаетъ о какой-то будто бы новой религіи. Нѣтъ, Брандъ—не религіозный сумасбродъ и не мечтатель, онъ даже не новаторъ въ этой сферѣ, а только реформаторъ, или еще точнѣе, реставраторъ, возстановитель того, что нѣкогда было дѣйственно и живо, но затѣмъ мало по малу потускнѣло и засорилось подъ мусоромъ историческихъ наслоеній людской приспособительности. Во всемъ этомъ едва-ли возможно сомнѣваться, въ виду ясныхъ словъ самого Бранда:

„Не новое я нѣчто замышляю;
Я правду вѣчную хочу упрочить...
Теперь духъ измельчалъ, благодаря
воззрѣнью человѣчества на Бога;
такъ вотъ и должно изъ обрывковъ думъ,
обломковъ жалкихъ духа, возсоздать
вновь нѣчто цѣльное, чтобъ могъ узнать
въ немъ своего творенія вѣнецъ—
Адама юнаго—Господь Творецъ".

А въ своемъ предсмертномъ, заключительномъ монологѣ, Брандъ прямо говоритъ, что религіозное служеніе онъ считалъ призваніемъ всей своей жизни.

„Долгомъ считалъ я доселѣ—служить
чистой скрижалью для Бога"...

Гораздо серьезнѣй и сильнѣе другое, очень распространенное возраженіе противъ Бранда, что онъ—не христіанинъ. Несомнѣнно, соглашаются защитники даннаго взгляда, Брандъ—типичный религіозный демагогъ. Но его религія, говорятъ они, скорѣй напоминаетъ суровую, ветхозавѣтную религію грознаго, карающаго Іеговы, чѣмъ любвеобильную и всепрощающую религію кроткаго, спасающаго Христа. Недаромъ, указываютъ они, Брандъ и самъ не рѣшается назвать себя христіаниномъ, а признается, что онъ всю жизнь лишь мучительно искалъ Христа.

„Христіанинъ-ли даже я, не знаю"—

откровенно заявляетъ о себѣ Брандъ въ началѣ всей пьесы. Немногимъ больше этого говоритъ онъ и въ самомъ концѣ ея:

„О, Іисусъ! Я всю жизнь Тебя звалъ,
Ты не хотѣлъ мнѣ явиться;
тѣнью лишь смутно мелькалъ, ускользалъ,
точно забытое слово!“

Основываясь на этомъ и утверждаютъ, что Брандъ не былъ христіаниномъ: онъ не зналъ спасающей и исцѣляющей силы христіанства; всю жизнь онъ мучительно и безплодно искалъ христіанства и лишь передъ самой своей смертью онъ подошелъ къ его порогу, или, выражаясь языкомъ самого Бранда--

„Къ первой ступени лѣстницы,
въ высь уходящей“...

Слѣдовательно, христіанство, было для Бранда какимъ-то мистическимъ маревомъ, тѣмъ недосягаемымъ, хотя и вѣчно манящимъ идеаломъ, къ которому онъ всю жизнь мучительно стремится и къ которому только что подошелъ было передъ самой своей смертью.

Разложимъ, прежде всего, данное возраженіе на составляющіе его элементы. Ихъ въ немъ два: первый, чисто отрицательный, что Брандъ не былъ христіаниномъ, не позналъ опытно его примирительно-цѣлебной и спасающей силы; второй,—больше положительный, что онъ былъ представителемъ, ветхозавѣтнаго суроваго закона съ его юридической теоріей возмездія око за око, зубъ за зубъ.

Что касается перваго изъ этихъ возраженій, то оно, по меньшей мѣрѣ, нуждается въ самомъ сильномъ ограниченіи. Мы находимъ, прежде всего, что оно, точно также, какъ и предшествующее возраженіе объ абсолютной безрелигіозности Бранда, смѣшиваетъ самую сущность христіанства съ его случайными внѣшними выраженіями, въ частности, съ современной Бранду церковно-оффиціальной его формой, главнымъ представителемъ которой выступаетъ у него пробстъ. Несомнѣнно, что къ такой формѣ христіанства, являющейся грубой профанаціей чистой идеи христіанства и простой сдѣлкой съ полицейской государственностью, Брандъ относится безусловно критически, и конечно, въ этомъ смыслѣ онъ не былъ

христіаниномъ, или точнѣе,—не былъ тѣмъ правовѣрнымъ лютераниномъ, который училъ, что

„жизнь—одно, а вѣра вѣдь—другое;
ихъ смѣшивать—вредитъ обѣимъ...
Созерцайте свой идеалъ съ амвона высоты,
сойдя жъ съ него, вы съ облаченіемъ вмѣстѣ
и идеалъ въ сторонку отложите!“

У пробста, представителя такого христіанства, были, конечно, совершенно иные взгляды, которые онъ и не постѣснился очень откровенно развить передъ пастыремъ—идеалистомъ:

„надѣть должны мы времени мундиръ
и въ тактъ идти съ толпою подъ команду
Капралъ—вотъ самый современный идеалъ!

Конечно, повторяемъ, Брандъ былъ очень далекъ отъ подобнаго идеала; но уже по одному этому онъ, слѣдовательно, былъ гораздо ближе къ истинному христіанству, чѣмъ самъ правовѣрный пробстъ, высшій носитель такого ложнаго христіанства. Потому-то Брандъ такъ гнѣвно и возставалъ противъ окружавшаго его фальшиваго, лицемѣрнаго и бездушнаго христіанства, что видѣлъ въ немъ главную угрозу дѣйствительному христіанству, въ идеалъ котораго онъ несомнѣнно твердо вѣрилъ, какъ это ясно видно хотя-бы изъ слѣдующей его фразы:

„волкъ хитроумія воетъ,
лаетъ на солнце ученья Христа“.

Человѣка, признающаго ученье Христа за солнце, мы не имѣемъ никакого права заподозрѣть въ отсутствіи вѣры въ христіанство и глубокой, искренней симпатіи къ нему.

Однако, все же остаются еще два темныхъ пункта, въ которыхъ Брандъ, съ одной стороны, довольно неувѣренно говоритъ о своей принадлежности къ христіанству, а съ другой—болѣе опредѣленно свидѣтельствуетъ лишь о своемъ исканіи Христа. Для освѣщенія ихъ необходимо, по нашему мнѣнію, обратить вниманіе на слѣдующее.

Подвергая анализу какъ теоретическое религіозно-философское понятіе о религіи, такъ и практическое

воплощеніе ея въ различныхъ историческихъ формахъ, мы безусловно во всѣхъ, сколько-нибудь развитыхъ религіяхъ, наблюдаемъ два главныхъ фактора, опредѣляющихъ собой и два различныхъ религіозныхъ процесса; это — сверхъестественный, божественный факторъ—воля боговъ и ихъ помощь человѣку, съ одной стороны, и естественный, гуманитарный факторъ—усилія самого человѣка въ его стремленіяхъ къ Божеству. Наличность этихъ двухъ основныхъ факторовъ религіи наблюдается во всѣхъ естественныхъ и откровенныхъ религіяхъ, не исключая и высшей изъ нихъ—христіанской. Послѣдняя точно также признаетъ, что наряду съ благодатнымъ процессомъ спасающей и освящающей силы христіанства долженъ идти и другой процессъ—процессъ естественнаго возрожденія человѣка. Христіанство не только проповѣдуетъ теорію полнаго синергизма, т. е. гармоническаго сочетанія обоихъ этихъ процессовъ, но оно говоритъ даже больше, именно, что первый, благодатный процессъ, не возможенъ и не имѣетъ дѣйствительной силы безъ втораго, т. е. безъ собственной доброй воли и настойчивыхъ усилій самого человѣка. Сверхъестественная божественная благодать подается лишь въ мѣру нашей свободной воли и добросовѣстныхъ собственныхъ усилій каждаго: „Царствіе Божіе нудится и нужницы восхищаютъ е (Мѳ. XI, 12).

А между тѣмъ современное христіанское сознаніе почти вовсе забыло объ этомъ второмъ, существенно важномъ и крайне необходимомъ условіи. Оно почти исключительно сосредоточило свое вниманіе на одномъ первомъ, благодатномъ процессѣ христіанства, возлагая всю надежду на Божественное милосердіе и всепрощеніе, упуская изъ виду, что божественная помощь подается лишь достойнымъ ея, а божественная благодать снисходитъ и дѣйствуетъ лишь на тѣхъ, кто подготовляетъ ей почву необходимымъ душевнымъ настроеніемъ и оправдываетъ ее соотвѣтствующимъ жизненнымъ поведеніемъ. Наше же обычное, односторонне-узкое пониманіе христіанства ведетъ къ страшной духовной апатіи и лжи, а оттуда къ практи-

ческому индеферетизму, къ ужасному разладу между вѣрой и жизнью и въ конечномъ итогѣ — почти къ полному игнорированію христіанства въ самой жизни и къ замѣнѣ его культомъ грубыхъ, матеріальныхъ интересовъ.

Брандъ со всей силой своею вдохновеннаго краснорѣчія и со всей убѣдительностью примѣра его личной жизни и возстаетъ на защиту, именно, этой, почти забытой нами, по безусловно важной стороны христіанства. Онъ нетолько говоритъ, но положительно вслухъ всѣхъ, такъ называемыхъ, христіанъ кричитъ, что мы не должны безпечно предаваться духовной апатіи и лѣни, не можемъ отказываться отъ личныхъ подвиговъ и жертвъ, не имѣемъ права исключительно возлагать всѣ свои надежды на одно Божественное милосердіе и всепрощеніе. Нѣтъ, мы и сами должны работать надъ своимъ духовнымъ возрожденіемъ, должны слѣдовать въ своей жизни по стопамъ Христа и подражая Ему,—распять свою плоть съ ея страстьми и похотьми. Это—главная, основная тема Бранда, которой, конечно, никто не рѣшится отказать въ самомъ чуткомъ пониманіи христіанства и глубокомъ проникновеніи въ его внутреннюю сущность.

Правда, Брандъ слишкомъ настойчиво и много говоритъ объ этой, такъ сказать, естественно-человѣческой сторонѣ христіанства, настолько много, что получается впечатлѣніе, будто бы онъ вдается въ другую крайность и забываетъ о первомъ, благодатномъ процессѣ христіанства. Но это совершенно понятно: въ томъ, именно, и состояла вся задача Бранда, чтобы напомнить изъ христіанства то, что такъ сильно и такъ незаслуженно забыто, и забвеніе чего грозитъ полнымъ уничтоженіемъ и всего остального. Но нельзя сказать, чтобы Брандъ вовсе не зналъ или не признавалъ и другой, благодатной стороны христіанства. Несомнѣнно, онъ ее зналъ, какъ это видно изъ сильныхъ Брандовскихъ обличеній современныхъ, грубо кощунственныхъ представленій о ней, какъ о благовидномъ предлогѣ для оправданія нашей духовной косности и лѣни. Нельзя такъ мѣтко и сильно критиковать, не

имѣя своего собственнаго, положительнаго критерія, съ точки зрѣнія котораго только и получаетъ свой смыслъ вся послѣдующая критика. Но Брандъ также и признавалъ ее, въ качествѣ заслуженной награды послѣ тернистаго пути, какъ это видно изъ его предсмертной мольбы, обращенной ко Христу:

„Дай-же теперь мнѣ увидѣть хоть край
ризы спасенья, омытой
кровью Твоей—искупленья виномъ!

А такъ какъ по этой, естественно-гуманитарной своей сторонѣ, христіанство соприкасается съ идеальной стороной всякой религіи вообще—„во всякомъ народѣ боящійся Бога и дѣлающій правду, пріятенъ Ему“ (Дѣян. X, 35 ст.), то Брандъ и имѣлъ полное право—смотрѣть на себя шире, чѣмъ, какъ на представителя одного лишь христіанства; онъ могъ видѣть въ себѣ также и *проповѣдника идеаловъ универсально-гуманитарной религіи*, вообще. Въ этомъ и смыслъ его нѣсколько загадочной фразы:

„Христіанинъ-ли даже я, не знаю;
Но твердо знаю, что—я человѣкъ“.

Очень много и самыхъ рѣзкихъ возраженій вызываетъ, далѣе главный девизъ Бранда, его—„*все или ничего*“. Здѣсь, прежде всего, дѣлаютъ Бранду одинъ чисто формальной упрекъ: ужели, спрашиваютъ, совсѣмъ *ничего* цѣннѣе и лучше, чѣмъ хоть *что-нибудь*? Вѣдь это-же—абсурдъ; конечно, лучше хоть что-нибудь, чѣмъ вовсе ничего.

Отвѣчая на это возраженіе, мы, прежде всего спѣшимъ заявить здѣсь такой же точно формальный отводъ: въ данномъ случаѣ у Бранда вторая часть альтернативы („или ничего“) не имѣетъ особаго самостоятельнаго значенія: она несетъ служебную роль по отношенію къ первому и въ сущности единственному требованію („все“), еще болѣе подчеркивая и оттѣняя его безусловную, обязательную силу. Такъ что брандовское „ничего“, по нашему мнѣнію,—лишь отражающій экранъ для усиленія свѣта его единственнаго требованія—„все“.

Прекрасно,—соглашаются съ нами,—пусть такъ,

пусть Брандъ требуетъ отъ насъ только „всего“. Но развѣ этого мало, развѣ такое чрезмѣрное требованіе не есть полнѣйшій абсурдъ. Развѣ можно отъ обыкновенныхъ, ограниченныхъ и слабыхъ людей требовать какой-то сверхъестественной титанической силы? Развѣ это безумное требованіе гордаго, духовнаго тирана сколько-нибудь согласно съ законами человѣческой психологіи? Да не стоитъ-ли оно въ самомъ рѣшительномъ противорѣчіи и съ ученіемъ Христа, Который никогда не требовалъ отъ людей невозможнаго, всегда соображался съ ихъ слабыми силами и привѣтствовалъ каждое доброе дѣло, какъ-бы ни казалось оно незначительно и мало, въ родѣ, напр. „чаши студеной воды“, поданной во имя Его?

Все это, конечно, совершенно справедливо; но едвали имѣетъ какое-либо прямое отношеніе къ Бранду и его девизу. Это имѣло-бы значеніе, если-бы Брандъ говорилъ *о фактахъ* и, слѣдовательно, отъ каждаго живаго человѣка какъ-бы вытягивая изъ него жилы, требовалъ бы „всего“, т. е. тѣхъ же безграничныхъ самоотверженныхъ, геройскихъ подвиговъ, которые сколько-нибудь подъ силу лишь исключительнымъ натурамъ. Но ничего подобнаго и нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Брандъ говоритъ вовсе не о фактахъ, не объ отдѣльныхъ словахъ и поступкахъ, а *о психологіи* своихъ героевъ, о такомъ ихъ душевномъ настроеніи и подъемѣ, при которомъ они почувствовали-бы въ себѣ рѣшимость осуществить все, что они могутъ. Требованіе „всего“ имѣетъ у Бранда не внѣшній количественный и объективный смыслъ, а внутренній, качественный и *субъективный*: каждый долженъ дѣлать *все то, что онъ можетъ*, въ мѣру его личной психологіи, въ зависимости отъ его индивидуальности и окружающихъ его условій. Единственную цѣнность для Бранда имѣетъ, лишь эта психологическая рѣшимость каждаго человѣка до конца исчерпать имѣющуюся въ его распоряженіи фактическую возможность. А такъ какъ эта возможность у всѣхъ людей, болѣе или менѣе, различна, то Брандъ нисколько и не думаетъ подгонять всѣхъ подъ одинъ общей ранжиръ

и даже прямо заявляетъ о невмѣненіи людямъ того, чего они не могутъ:

„простится то, чего не сможешь.
Чего-жъ не захотѣлъ ты,—никогда"!

При такомъ внутреннемъ пониманіи брандовскаго девиза, его категорическій характеръ не только не противорѣчитъ Евангелію, но и вполнѣ совпадаетъ съ нимъ. Дѣйствительно, всѣ идеальныя, какъ положительныя, такъ и отрицательныя нормы Евангелія и христіанства, вообще, носятъ на себѣ несомнѣнную печать абсолютизма. Въ Евангеліи не предоставлено намъ любить Бога, или ближняго хоть немного, хоть чуть-чуть и вообще, сколько кому угодно; но прямо и опредѣленно стоитъ: „возлюби ихъ *всѣмъ* сердцемъ, *всей* душой и *всею* мыслію твоею". Точно также, принявши заповѣди: „не укради", или „не убій", новозавѣтное христіанство не дѣлаетъ изъ нихъ никакихъ изъятій, но категорически осуждаетъ абсолютно всякое воровство и абсолютно всякое убійство, какими-бы, повидимому, благовидными предлогами они не прикрывались. Такимъ образомъ здѣсь, т. е. въ принципѣ или идеалѣ христіанства, предъ нами стоитъ то же самое признаніе „всего", что и у Бранда.

Не мало и очень энергичныхъ возраженій, въ особенности со стороны сердобольныхъ матерей, встрѣчаютъ отдѣльные, наиболѣе рѣзкіе примѣры суроваго ригоризма Бранда, напр. его жестокое отношеніе къ умиравшей старухѣ матери, его косвенная виновность въ смерти сына и его черствая, безсердечная расправа съ женой, по поводу ея теплыхъ, нѣжныхъ воспоминаній объ умершемъ малюткѣ.

Само собою понятно, что всѣ эти частные случаи должны находить свое естественное объясненіе въ общихъ взглядахъ Бранда, въ самомъ существѣ его религіозно-философскаго міровоззрѣнія. А здѣсь, какъ мы старались доказать это выше, во главѣ всего стояло у него полное предпочтеніе высшихъ интересовъ духа низшимъ интересамъ плоти, личныхъ, эгоистическихъ привязанностей — общимъ велѣніямъ долга. Съ этой точки зрѣнія указаніе на болѣе интимный, семейный

характеръ вышеуказанныхъ отношеній, будто бы обязывавшій Бранда къ особой снисходительности, является полнымъ недоразумѣніемъ: Брандъ не различалъ своихъ отъ чужихъ и даже, пожалуй, къ своимъ, въ интересахъ высшаго безпристрастія, былъ болѣе требователенъ и суровъ. Въ этомъ отношеніи невольно напрашивается его сравненіе со Христомъ, который однажды сказалъ, что для Него нѣтъ матери, братьевъ и сестеръ, что въ этомъ достоинствѣ Онъ признаетъ только тѣхъ, кто слушаетъ Его ученіе и слѣдуетъ Ему (Лук. VIII, 19—21).

Что касается, въ частности, перваго случая — сурового обращенія Бранда съ матерью—то нельзя, прежде всего, упускать изъ виду того высшаго обстоятельства, что это нестолько единичный фактъ личной драмы самого Бранда и его матери, сколько поучительный примѣръ для всѣхъ, вообще, родителей, ложно понимающихъ свое призваніе и самую свою любовь къ дѣтямъ. Страшнымъ примѣромъ смерти нераскаянной старухи, цѣпко державшейся за свое богатство и лишенной за то удовольствія видѣть передъ собой любимаго сына, Брандъ даетъ сильный и грозный урокъ всѣмъ тѣмъ родителямъ, которые въ накопленіи и передачѣ наслѣдства видятъ исполненіе всѣхъ своихъ обязательствъ передъ дѣтьми, не желая сознавать возникающаго отсюда огромнаго духовнаго вреда, какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ дѣтей. Да еще большой вопросъ, было-ли бы лучше, если бы Брандъ явился къ своей матери? Въ этомъ позволительно очень и очень усумниться. Судя по всей психологіи матери Бранда, у ней существовали двѣ главныхъ привязанности: а) близорукая любовь къ сыну и б) слѣпая, ненасытныя жажда денегъ. Умирая, она хотѣла удовлетворить эти обѣ страсти. Но такъ какъ ей было извѣстно, что первую она можетъ удовлетворить лишь цѣной отказа отъ второй, то она и вступаетъ въ постыдный и малодушный, заочный торгъ съ сыномъ, рѣшаясь, въ концѣ концовъ, на очень крупную, хотя и неполную жертву (отдать $^{9}/_{10}$ всего имѣнія). Но приди Брандъ раньше, по первому же призыву матери, она, вѣроятно, не сдѣлала бы

такой крупной ставки и не проявила-бы такой, сравнительно очень большой, готовности отрѣшиться отъ своей преступной страсти. Такъ что не холодный расчетъ и тѣмъ болѣе не гордый эгоизмъ, а высшая любовь къ спасенію души погибающей матери, диктовала Бранду такое суровое, но сильно и довольно успѣшно дѣйствовавшее средство.

Самымъ серьезнымъ изъ всѣхъ частныхъ указаній, мы считаемъ обвиненіе Бранда въ смерти его сына. Но и здѣсь, если глубже вникнуть въ дѣло, обвиненіе падаетъ само собой. Такъ какъ спасеніе ребенка было связано, по ходу пьесы, съ уходомъ Бранда изъ его прихода, то передъ нимъ возникала роковая диллема: или спасти отъ физической смерти своего собственнаго сына, или обречь на духовное умираніе сотни ввѣрившихся ему и уже начинавшихъ прозрѣвать, его прихожанъ. Выборъ для Бранда былъ ясенъ и онъ не могъ поступить иначе. Да притомъ, Брандъ, какъ вѣрующій человѣкъ, жизнь своего дитяти долженъ былъ предать въ руки Божьи: если бы Богу было угодно, Онъ могъ бы сохранить эту жизнь и среди самыхъ неблагопріятныхъ условій. Но, очевидно, что это было Ему неугодно, и Брандъ безропотно покоряется волѣ Божественнаго промысла.

Послѣдній случай, характеризующій отношенія Бранда къ женѣ, несмотря на всю его трогательность, объясняется всего легче. Болѣзненую привязанность Агнесъ къ различнымъ вещественнымъ воспоминаніямъ о сынѣ Брандъ не даромъ назвалъ „маленькимъ идолопоклонствомъ“. Дѣйствительно, въ этихъ безплодныхъ сожалѣніяхъ, которыя Брандъ мѣтко охарактеризовалъ какъ „игру съ тоской“, было такъ много патологическаго, разслабляющаго волю, вселяющаго въ нее духъ унынія и пассивной апатіи, что Брандъ, какъ проповѣдникъ сильной могучей воли и бодрой, энергичной работы и не могъ отнестись къ поведенію своей жены иначе, какъ съ рѣшительнымъ и рѣзкимъ осужденіемъ. Въ рѣчахъ тоскующей Агнесъ Брандъ справедливо слышалъ и малодушный ропотъ на Бога, и недостатокъ настоящей душевной твердости и пре-

ступное увлеченіе своимъ личнымъ, эгоистическимъ чувствомъ и, наконецъ, излишнее пристрастіе къ чувственнымъ и матеріальнымъ благамъ, въ ущербъ высшимъ, духовнымъ интересамъ единственно достойной и истинно человѣчной жизни. Нельзя и здѣсь не отмѣтить полнаго совпаденія этого взгляда съ христіанствомъ, по воззрѣнію котораго, чрезмѣрная печаль объ умершихъ составляетъ уже грѣхъ предъ Богомъ; а самая смерть невиннаго младенца, какъ и всякаго праведника, вообще, должна служить больше предметомъ духовной радости, чѣмъ плотскаго горя.

Намъ остается разсмотрѣть послѣднее, самое распространенное возраженіе противъ Бранда, что онъ слишкомъ безжалостенъ и суровъ, что въ своихъ требованіяхъ подвиговъ и жертвъ онъ почти нечеловѣченъ, что онъ не знаетъ чувствъ любви и состраданія, что даже самого милующаго христіанскаго Бога онъ готовъ превратить въ какого то грознаго карающаго Іегову.

Данное возраженіе, очевидно, покоится на тѣхъ же предпосылкахъ, съ которыми мы уже имѣли дѣло въ двухъ предшествующихъ возраженіяхъ, а потому, послѣ разбора ихъ, намъ остается прибавить здѣсь сравнительно немногое.

Брандъ отнюдь не принципіальный врагъ любви. Онъ только воздерживается отъ нея до поры до времени по чисто тактическимъ соображеніямъ, продиктованнымъ, въ сущности, тѣмъ же искреннимъ и глубокимъ чувствомъ любви къ человѣчеству. Родъ людской, по взгляду Бранда, сильно боленъ — боленъ слабостью воли, какъ результатомъ преувеличенной надежды на божественную любовь и всепрощеніе. Человѣчество нуждается въ радикальномъ леченіи. Но по самому свойству болѣзни, его нельзя лечить любовью, гипертрофіей которой, именно, и страдаетъ человѣчество. Леченіе любовью было бы крайне нераціонально: оно оказало бы то же самое вліяніе, какъ горячительный компрессъ при воспалительномъ процессѣ. Очевидно, нужно дать новое, противоположное, чисто оздаравливающее лекарство, которое уничтожило бы эту болѣзненную гиперотрофію и

возстановило бы нормальное функціонированіе организма. Вотъ почему, въ качествѣ противоядія слащавой, фальшивой, лицемѣрной любви, до которой такъ падко ослабѣвшее человѣчество, потому что она прикрываетъ его слабости и недостатки, Брандъ проповѣдуетъ ненависть къ человѣческимъ слабостямъ и презрѣніе къ такой ложной и вредной любви.

„Такъ пустъ и пошлъ,
такъ слабъ и извращенъ весь родъ людской...
А къ рабу вялому, тупому—лучшей
любви, чѣмъ ненависть, и быть не можетъ“ [1]).

Но эта ненависть—не къ людямъ, а къ ихъ слабостямъ и порокамъ; это не цѣль, а лишь спасительное средство ведущее къ ней, своего рода плавильный огонь, необходимый для очистки благороднаго металла.

„Но въ этомъ словѣ „ненависть“—зародышъ
лежитъ борьбы великой, міровой!

т. е. той великой, спасительной и возрождающей борьбы, которая не станетъ усыплять людей, подобно ложно понятой любви, а пробудитъ ихъ къ бодрой и энергичной работѣ надъ своимъ возрожденіемъ и самовоспитаніемъ.

Съ этой точки зрѣнія Брандъ смотритъ и на Бога, въ которомъ онъ, по потребностямъ времени, выдвигаетъ на первый планъ строгость и правосудіе:

„Долженъ въ Немъ видѣть владыку
строгаго неба, земли судію,—
нуженъ Онъ слабому вѣку“!..

Но это еще не значитъ того, чтобы Брандъ вовсе отрицалъ въ Богѣ другія Его свойства, въ особенности свойство высочайшей любви и милосердія. Напротивъ, онъ охотно допускалъ ихъ тамъ, гдѣ это не грозило духовной опасностью людямъ, т. е. въ отношеніи къ болѣе чистымъ и высокимъ, просвѣтленнымъ душамъ, стоящимъ на вѣрномъ пути. Вотъ, напр., какъ говоритъ объ этомъ Брандъ своей женѣ Агнесъ:

---

[1]) Невольно напрашиваются на сравненіе слова горькаго упрека самого І. Х. „о родѣ невѣрный и развращенный, доколѣ буду съ вами, доколѣ терплю вы“ (Мѳ. XVII, 17).

„Ты же, ты можешь въ Немъ видѣть отца,
въ Божьи объятья стремиться...

То-же самое надо замѣтить и относительно чувства любви и милосердія. Брандъ не отрицаетъ ихъ; онъ говоритъ только, что для рода вялаго, тупаго, они еще преждевременны, что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ начинать не съ нихъ, что нужна сначала радикальная духовная операція (отсѣченіе страстей и грѣховныхъ навыковъ путемъ подвиговъ и жертвъ), а затѣмъ уже и цѣлительный бальзамъ (христіанская любовь и милосердіе). Но и здѣсь, точно также, какъ и въ своихъ представленіяхъ о Богѣ, Брандъ допускаетъ исключенія, именно, для тѣхъ же самыхъ натуръ, которыя правильно понимаютъ свое христіанское призваніе и дѣятельно осуществляютъ его въ жизни. Брандъ не признаетъ только любви, переходящей въ преступную слабость и потворство грѣху, но онъ самъ первый же испытываетъ нѣжную любовь по отношенію къ чистымъ душамъ своей жены и ребенка. Недаромъ Агнесъ даже не могла скрыть своего восторга передъ богатствомъ и силой его чистой, возвышенной любви:

„О, какъ богатъ любовью этотъ сильный,
суровый человѣкъ! Но лишь на Альфа
онъ смѣетъ изливать ее,—ребенокъ
еще вѣдь чистъ и ангельски—невиненъ!“

А для того, чтобы мы не могли имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія относительно широты и чистоты этой любви, чтобы не подумали, будто бы она простиралась только на однихъ близкихъ своихъ,—довольно привести слѣдующія слова Агнесъ:

„Не насъ однихъ тѣ чувства озаряютъ
и грѣютъ, Брандъ, но всѣхъ несчастныхъ, сирыхъ;
ты близкими своими ихъ зовешь;
всѣ тѣ, кто скорбью удрученъ, нуждою—
страдающая мать, дитя въ слезахъ—
убѣжище находятъ, утѣшенье
въ твоемъ любвеобильномъ сердцѣ“.

О Брандѣ, съ извѣстнымъ, конечно, ограниченіемъ можно сказать то же самое, что онъ выразилъ въ

своемъ видѣніи о Богѣ, гдѣ онъ изображетъ Его такими чертами:

„Могучъ, свѣтелъ, привѣтливъ, какъ солнечный лучъ,
полонъ любви безпредѣльной,
полонъ и скорби смертельной!“

И только крайняя близорукость, нежеланіе или неспособность проникнуть въ глубину душевной драмы Бранда, могутъ обвинять его въ недостаткѣ любви и чрезмѣрной суровости и требовательности къ людямъ. Считать Бранда суровымъ, жестокимъ тираномъ, это, по нашему убѣжденію, все равно, что считать Гоголя пустымъ, забавнымъ комикомъ. И какъ у Гоголя сквозь видимый міру смѣхъ дрожали незримыя міру слезы, такъ у Бранда за суровой, казовой внѣшностью скрыта самоотверженная, глубокая любовь къ человѣчеству.

Наконецъ, говорятъ еще, что у Бранда, при всей остротѣ и силѣ его критики, довольно слаба, и неопредѣленна положительная сторона выведеннаго типа. Въ самомъ дѣлѣ, во имя какого идеала такъ горячо ратовалъ Брандъ, какому Богу онъ служилъ, куда и зачѣмъ онъ хотѣлъ вести ввѣрившіяся ему души? Вѣдь всѣ эти его безпредметныя исканія, всѣ смутные порывы уйти изъ жизненной долины и подняться ввысь, въ таинственную ледяную церковь, всѣ они, по меньшей мѣрѣ, крайне неопредѣленны и смутны, лишены конкретнаго содержанія и яркихъ жизненныхъ красокъ?

Не можемъ не признать, что это—самое вѣское и самое сильное возраженіе противъ Бранда. Мы не беремся отрицать его всецѣло, а попытаемся лишь нѣсколько ослабить. Евда-ли, напр. справедливо упрекать Бранда за то, что у него будто-бы не было никакой положительной цѣли, никакого опредѣленнаго идеала, никакой удовлетворяющей его конкретной общественно-религіозной формулы. У него несомнѣнно есть опредѣленная религіозно-философская тема –это проблема духа и плоти, вопросъ о происхожденіи и господствѣ зла и грѣха въ мірѣ. Есть у него и опредѣленная ясная цѣль—это дать безусловный перевѣсъ

духовной сторонѣ человѣка надъ плотской, матеріальной, возстановить „образъ Божій“, забрызганный въ немъ житейской грязью. Совершенно ясна и тактика Бранда, т. е. тѣ средства, путемъ которыхъ онъ думаетъ достигнуть своей цѣли, это—закалъ человѣческой воли, путемъ подвиговъ и жертвъ, необходимыхъ для рѣшительной борьбы съ чувственнымъ зломъ и для бодраго энергичнаго стремленія къ духовному идеалу.

Значительно труднѣе отвѣтить на вопросъ, какъ-же Брандъ представлялъ себѣ эту идеальную, религіозно-общественную форму? Но мы думаемъ, основываясь на многочисленныхъ намекахъ самаго Бранда, что эту форму онъ мыслилъ себѣ совпадающей съ идеаломъ чистаго, евангельскаго христіанства. А такъ какъ послѣднее является, въ сущности, возстановленіемъ чистыхъ нормъ первобытной религіи рая и, слѣдовательно, отображаетъ на себѣ идеалъ истинно-человѣческой жизни, то все положительное міровоззрѣніе Бранда и представляетъ, по нашему мнѣнію, проповѣдь именно этого христіанско-гуманитарнаго идеала.

Что же, касается, наконецъ, загадочныхъ намековъ Бранда на какую-то высокую, ледяную церковь, то для пониманія ихъ нельзя упускать изъ виду, что вѣдь это—символы и что, слѣдовательно, къ нимъ неприложима теорія грубаго, механическаго истолкованія. Своимъ художественнымъ символомъ возвышенной, ледяной церкви, Ибсенъ, очевидно, хотѣлъ выразить идею отрѣшенности отъ грубыхъ условій матеріальной земной жизни и перехода въ высшія области духовной святости и кристалльной чистоты. Въ заключеніи всего, нельзя не отмѣтить и того, что мистическая символика, и происходящая отсюда, нѣкоторая неясность и какъ-бы безжизненность положительныхъ сторонъ въ драмахъ Ибсена составляетъ собой одну изъ отличительныхъ особенностей, и если угодно, даже недостатковъ всего міросозерцанія Ибсена. По отзыву одного критика (Steiger), Ибсенъ неподражаемъ и великъ въ анализѣ, въ постановкѣ діагноза, въ опредѣленіи сложныхъ и разнообразныхъ недуговъ, кото-

рыми болѣетъ современное человѣчество. Его драма—это драма микроскопа. „Съ холодностью и спокойствіемъ анатома онъ вскрываетъ нравственныя язвы современной жизни—общественной и частной—зажигаетъ въ душѣ читателя или зрителя огонь негодованія противъ нихъ“ [1])... И въ этомъ, повторяемъ Ибсенъ великъ и почти не имѣетъ себѣ равныхъ. Такая цѣль, несомнѣнно; прекрасно достигнута и въ Брандѣ, какъ это ясно открывается изъ слѣдующихъ словъ учителя о миссіи Бранда:

„Онъ разбудилъ народъ. Сознанья свѣточъ
зажегъ въ душѣ людей, глаза открылъ имъ
на язвы жизни и на ложь ея;
народъ проснулся и не примирится
ужъ больше съ жизнью той, какой онъ жилъ“.

Но въ созданіи положительныхъ типовъ, въ самомъ творчествѣ идеаловъ, Ибсенъ значительно слабѣе: въ самые рѣшительные и критическіе моменты онъ, обыкновенно, въ двухъ-трехъ рѣзкихъ штрихахъ лишь набрасываетъ темные силуэты такихъ фигуръ, не одѣвая ихъ въ плоть и кровь. Оттого-то они и выходятъ у него недостаточно жизненными и слишкомъ отрѣшенными отъ окружающихъ условій, безсильными ихъ преобразовать и немогущими среди нихъ существовать. Ибсенъ сильно и ярко бичуетъ то, что намъ не нужно; но онъ не такъ опредѣленно и ясно говоритъ, такъ что-же, именно, намъ нужно? Въ этомъ отношеніи его намеки имѣютъ больше формальное значеніе и часто лишены опредѣленной конкретности. Это, главнымъ образомъ, и затрудняетъ пониманіе Бранда и вызываетъ собой такое разнообразіе въ его оцѣнкѣ.

Заключая всю свою рѣчь о Брандѣ, мы считаемъ своимъ долгомъ сказать, что образъ Бранда—конечно, идеальный типъ. И какъ всякій идеалъ, онъ почти недостижимъ для обыкновенныхъ людей и въ этомъ смыслѣ онъ недостаточно практиченъ и реаленъ. Но

---

[1]) Проф. *А-ный Введенскій* „Письма о современномъ искусствѣ“ 98 стр. Москва 1898.

онъ глубоко человѣченъ въ лучшемъ, идейномъ смылѣ этого слова и евангельски христіанственененъ. Въ сущности, вся эта драма—ничто иное, какъ художественная иллюстрація извѣстнаго Евангельскаго призыва, обращеннаго Христомъ ко всѣмъ истиннымъ Его послѣдователямъ: „иже не иметъ креста своего и во слѣдъ Мене не грядетъ, нѣсть Мене достоинъ“ (Мѳ. X, 38).